

Господин адвокат

Фридрих Незнанский
Перебежчик

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Перебежчик / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Сын крупного бизнесмена, связанного с криминальным миром, обвиняется в участии в групповом изнасиловании. Юрий Петрович Гордеев, бывший следователь при Генеральной прокуратуре России, коллега и соратник хорошо известного читателям Александра Борисовича Турецкого, а ныне начинающий адвокат, силой обстоятельств выступает защитником юноши и неожиданно оказывается в центре криминальной «разборки», в которой участвуют коррумпированные чиновники высших ветвей государственной власти.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	10
3	16
4	21
5	25
6	30
7	33
8	39
9	42
10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Незнанский

Перебежчик

Часть первая

1

В тот день уже заканчивался мой прием в консультации на Таганке, 34, когда вошел этот господин и протянул квитанцию об оплате. Я демонстративно поднял руку к глазам, намереваясь взглянуть на свои наручные часы, потом перевел на него недовольный взгляд. И сразу подумал, что столь упакованные господа, источающие запах дорогого мужского одеколona, по юридическим консультациям не ходят. Такие не толкаются в очередях с пенсионерами. Они купят любого адвоката, самого модного и занятого, не вылезая из машины, отзвонив кому надо по сотовому. Чуть усмехнувшись, он тоже посмотрел на часы, явно демонстрируя мне их фирму, свои, так сказать, возможности.

Я машинально опустил руку, пряча свои китайские «котлы» с вещевого рынка, где их скоро уже будут продавать на вес. Не то чтобы мне стало неловко, нет. Похоже, сработала «совковая» закваска – против «ролекса» не попрешь.

– Вы спешите? – спросил он.

– Вообще-то мое время заканчивается, – ответил я. – Сейчас меня сменит мой коллега. У него впереди еще полдня. Может, вам лучше обратиться к нему?

– Я не об этом вас спросил, – он покачал головой. – Вы сейчас очень спешите? Мне необходимо поговорить с вами. Сделать одно интересное предложение именно вам. Если не сегодня, то завтра. Но я бы на вашем месте не откладывал.

– Я вас слушаю, – сказал я, пожав плечами. – Только учтите, сегодня первый день, как я здесь работаю. Только недавно получил лицензию. И пока еще не вхожу в московскую коллегию адвокатов.

– Это вполне поправимо. Без проблем. Если мы договоримся, вас примут туда в ближайшее время.

– Может, вам стоит все-таки обратиться к более опытному адвокату?

– Мы только теряем время, – сказал он. – Нам нужны именно вы. А если спешите, я могу вас подбросить куда вам надо. Вам ведь сейчас на Башиловскую, если не ошибаюсь?

Откуда ему это известно? Только этого не хватало. Он явно продемонстрировал свою осведомленность о моей личной жизни. Да, именно сегодня я договорился с Катей, что заеду к ней после дежурства. Именно на Башиловской она живет.

– Извините, просто не удержался, – сказал он, улыбаясь. – Но мы действительно все о вас знаем.

– Что значит – все? – насторожился я. – Кто вы и кого сейчас представляете?

– Зовите меня Аркадий Валерьянович Лекарский. А здесь я представляю интересы одного весьма влиятельного человека, чей сын попал в некрасивую историю. Помните дело Игоря Бахметьева? – спросил он.

– Что-то слышал, – сказал я. – Статья сто тридцать первая, пункт второй-в, если не ошибаюсь. Групповое изнасилование это называется. Я слышал о нем, перед тем как уйти из прокуратуры. Но разве у вас до сих пор не было адвоката?

– Прежний адвокат господин Колеров убит, – скорбно вздохнул Аркадий Валерьянович, – возможно, вы об этом не слышали. Его застрелили, когда он отдыхал с супругой на Кипре.

– Хотите, чтобы теперь убили меня?

– Вам нечего опасаться. Колерова мы не охраняли. Вам дадим надежную охрану. Перед гибелью он направил в суд ходатайство о возвращении дела на следствие для розыска и установления тех двоих, кто участвовал в изнасиловании... Убийцу, разумеется, ищет милиция. Но надежды на сегодняшнюю милицию мало. Она вся скуплена. Как и большинство следователей.

– Вам виднее, – пробормотал я. – Не помню, чтобы я кому-то продавался. Хотя... предложения поступали.

– Поэтому мы и обратились к вам. К тому же у нас нет времени разбираться, кто из них честен, а кто не очень... Согласитесь, сегодня не всегда можно понять, где кончаются правоохранительные органы и начинаются криминальные структуры. Поэтому нам нужен адвокат, знакомый с работой следствия. Ибо ему придется разобраться, на чем построены выводы следствия в отношении сына Бахметьева. Это одна из причин выбора, сделанного в вашу пользу.

– Я, конечно, польщен. Но это означает, что были еще причины, по которым вы обратились именно ко мне? – медленно спросил я, обдумывая свою ближайшую перспективу.

– Покойный Колеров был семейным адвокатом семьи Бахметьевых. У нас есть досье на разного рода молодых и перспективных адвокатов, включая вас. Выбор делал сам Бахметьев. Не вы вели это дело, но, будучи в то время работником прокуратуры, наверняка о нем слышали. Теперь, когда вы успешно переквалифицировались и стали адвокатом, иначе говоря, перешли из нападения в защиту, нам желательно, чтобы именно вы вели его. Поскольку вам, как бывшему следователю, будет легче найти слабые стороны обвинения. Из неплохих нападающих, как сказал мой шеф, остановившись на вашей кандидатуре, получаются замечательные защитники. А он редко ошибается.

– А вы считаете, они есть? – заинтересовался я. – Я говорю о слабых сторонах.

– Должны быть, раз Игорь невиновен. Как раз этим вы и займетесь, – заявил Аркадий Валерьянович. – Вы должны их найти.

– Странный у нас разговор, – заметил я. – Вы знаете обо мне все. Я не знаю о вас ничего.

– Всему свое время, – усмехнулся он. – И всему свое объяснение. Мы были заинтересованы в сотрудничестве с вами и потому заранее получили исчерпывающую информацию. Вас я до настоящего момента вовсе не интересовал, и потому вы ничего не знаете. Вы ведь не просто так стали адвокатом, Юрий Петрович. Наверное, на это были свои причины, не так ли?

Спохватившись, я снова посмотрел на часы. Катя не любит, когда я опаздываю. Особенно если куда-нибудь собираемся. Как сегодня, к ее родителям.

– Я вас, кажется, заговорил, – сочувственно произнес Аркадий Валерьянович. – Только не подумайте, что сделал это специально, чтобы заполучить вас в свой джип для дальнейшего разговора. Так уж получилось. Но теперь, похоже, у вас нет выбора. Нехорошо опаздывать к любимой девушке.

– Да, я стал адвокатом, – продолжал я уже в его огромной машине. – Только из этого ничего не следует. А то, что я не принимал участия в расследовании дела Бахметьева и многого не знаю, имеет для вас существенные минусы. Я, например, верю, что ваш Игорек – насильник. А мне, как начинающему адвокату, сильно мешает предвзятость, понимаете?

В машине кроме нас было еще двое, сидевших на переднем сиденье. Здоровые лбы с бритыми затылками. Один из них сидел за рулем и, казалось, не прислушивался к нашему разговору. Второй тоже сидел неподвижно, но, судя по его напряженной спине, он старался не пропустить ни слова из нашего разговора. Пару раз я встретил его испытующий взгляд в зеркальце заднего обзора.

Я, конечно, не сразу доверился этому Лекарскому, раздумывал, стоит ли садиться в машину. Хотя на похищение это вряд ли было похоже. Но они вполне могли меня куда-нибудь

завезти. Хотя нет. Во дворе много людей, здесь мои коллеги, машину они заметили, так что вряд ли. Ведь я им нужен.

– Вот что значит молодой, неопытный адвокат, – покачал головой Аркадий Валерьянович, когда мы выехали со двора. – Да еще бывший следователь прокуратуры. Готов спорить: бывшие коллеги наверняка сейчас думают о вас, как о перебежчике.

– Угадали, – мрачно подтвердил я.

– Как видите, мы о вас кое-что знаем. Кстати, я считаю, вам бы сейчас самое время потренироваться на новом поприще, проверить себя в защите тех, кого вы когда-то обличали. Вы ведь теперь должны защищать, разве не так?

Я промолчал. Он был прав, хотя и не на все сто. Из этого не следовало, что я буду защищать Игорька Бахметьева, этого подонка, сына богатеньких родителей, изнасиловавшего свою одноклассницу, девочку из интеллигентной семьи, надругавшегося над ней вместе с такими же, как сам, негодьями.

– Я хотел бы вернуться к началу нашего разговора, – прервал молчание Аркадий Валерьянович. – Итак, вы стали адвокатом. С этим судьбоносным решением совпало ваше желание жениться. То есть вам срочно понадобились деньги и свободное время для семейной жизни. Поправьте меня, если я ошибаюсь. Работа следователем, да еще на подхвате у Александра Борисовича Турецкого, такой возможности вам не давала. Это первое. В то же время ваше моральное кредо не позволяет вам вести это дело как адвокату, поскольку его уже вел ваш старший товарищ Савельев, которому вы привыкли доверять... Это тоже можно понять. Но ведь существуют другие возможности. Вы можете нас просто консультировать, оставаясь в тени, хотя ваш предполагаемый гонорар при этом существенно изменится. Сами понимаете, в какую сторону.

– И не только гонорар, – вдруг повернулся сидевший рядом с водителем парень, от которого явственно пахло перегаром. – Что ты, Аркаша, все вокруг да около... Да он все понимает!

– Леха, потом выскажешься, – недовольно произнес Аркадий Валерьянович.

– Просто слушать тебя, в натуре, невозможно! – продолжал возмущаться Леха. – Больно много говоришь. И все не по делу. О каком-то гонораре... Много чего для тебя изменится, понял? – он в упор посмотрел на меня своими светлыми немигающими глазами. – Раз сел к нам в эту машину, значит, выйдешь отсюда только тогда, когда я разрешу. А вот куда ты попадешь отсюда, это вопрос другой. Или к своей бабе на Башиловскую, или в другое пространство, астральное, или как там оно называется...

– Хочу напомнить: я доверенное лицо Баха, и именно мне было поручено провести эти переговоры от его имени, – недовольно сказал ему Аркадий Валерьянович. – Что подумает наш гость, если ты будешь продолжать вмешиваться в наши переговоры?

– Ну! Это известно. На предварительном этапе уговариваешь ты, – ответил Леха. – А потом подключаюсь я с Волохой, – кивнул он на водителя, – если переговоры заходят в тупик. Я прав? – он толкнул в плечо напарника.

– Точно, – кивнул тот.

– Не понял, – сказал я им в тон. – Что-то не врублюсь. Вы за кого меня тут держите, Аркадий Валерьянович? Думаете, если я сел к вам в машину, то сразу превратился в лоха? И теперь можете тянуть из меня жилы? Я это уже проходил – поняли, нет? Сам в этом участвовал! Первый следователь добрый, второй – злой. Так вот – я всегда был вторым. Это все слышали? Словом, со мной, пацаны, это не пройдет. На понт я сам могу взять кого угодно.

Они, должно быть, не ожидали от меня подобной тирады. Думали, буду блеять, как овечка, в знак согласия. Я-то понимал, что, пока им нужен, они должны меня беречь как зеницу ока. Тем более они знают мое слабое, вернее, уязвимое место – та самая Башиловская, четыр-

надцать, второй подъезд, третий этаж. Наверняка уже побывали там. И посмотрели на мою Катю.

– Вы уж его извините, – вздохнул Аркадий Валерьянович. – Недостаток воспитания, плюс трудное детство в отстающем колхозе, плюс нетерпение как верный признак отсутствия интеллекта. Но вы в одном не правы. Никакого распределения ролей и в помине не было. Ни о чем таком мы не договаривались.

– Импровизация на вольную тему, – сказал я. – Бывает. Хотя верится с трудом. Теперь объясните, пожалуйста, кто такой Бах. Имя-то знакомое. Где-то слышал. Как всякий культурный человек. Это и есть ваш шеф Бахметьев?

– Да что с ним баланду травить? – буркнул Леха, скорее от задетого самолюбия. – Скинем его на ходу, когда свернем на Садовое, а после поменяем номера. Я правильно говорю?

– А что, эта машина числится в угоне? – поинтересовался я.

С ними все ясно. Привыкли брать на испуг. У них это в крови. По-другому не могут. Аркадий Валерьянович с его лоском и манерами – для затравки. Для завлечения клиентов. Как лох у наперсточников, которому дико везет. И что характерно, играет свою роль неплохо. Вон как интеллигентно вздыхает, слушая их. Мол, тяжело ему с этими недоумками. Тут бы в самый раз ему посочувствовать. Для пользы дела.

– А как вас угораздило с ними связаться? – спросил я.

Аркадий Валерьянович не ответил. Только скорбно поднял глаза к потолку кабины.

– Ну-ну, – повернулся к нему Леха. – Расскажи, как ты попал в нашу дурную компанию.

– Ладно, хорош, – негромко сказал ему водитель Волоха. – Кончай, слышь? Потом выясните, когда пассажира скинем...

– На Садовой или на Башиловской? – усмехнулся Леха.

– Мне все равно, – сказал Волоха.

Мне стало смешно. Значит, сижу я на заднем сиденье рядом с интеллигентным Аркадием Валерьяновичем, чье брюшко вряд ли позволит ему провести против меня хоть какой-нибудь прием, если только он им обучен. Я контролирую, можно сказать, ситуацию, поскольку Леха и Волоха сидят ко мне спиной и, чтобы скинуть меня, им придется сначала остановить машину, подойти к моей двери, которую я тем более контролирую... Да только я ждать никого не собираюсь. Сам вылезу, где мне надо, и адью! Только вы меня и видели. Приходите на прием в консультацию по четным дням с утра, по нечетным вечером...

– Клевая у вас машина, – сказал я вслух. – Только тесная какая-то стала, вам не кажется? Явно один из нас здесь лишний. Я так думаю, что это ты, – сказал я Лехе. – У тебя, вижу, противоположное мнение. Ну так надо разобраться. Остановимся, хоть я и опаздываю, выйдем, поговорим. Потом один из нас снова сюда вернется, а другой не сможет, поскольку будет отдыхать лежа. А отдохнув, поедет дальше общественным транспортом.

С ними только так надо разговаривать. Другого языка они не понимают.

– Хорош, – повторил Волоха, и я встретил его досадливый взгляд в зеркальце. У водителей, я давно заметил, даже у бандитов, есть склонность к компромиссам. Это у них профессиональное – не уступишь иному «чайнику» дорогу, не пропустишь его, нетерпеливого, на драгом «Запорожце», тебе же хуже будет. Ему ремонт в копеечку обойдется, но и тебе.

– В самом деле, – решил наконец воспользоваться поддержкой Волохи Аркадий Валерьянович. – Ты бы, Леха, слез, что ли. Или прикуси язык. Нам предстоит серьезный разговор. И не для твоих ушей.

– Ты здесь кто? – спросил Леха у Волохи. – Водила. Я правильно говорю? Твое дело следить за дорогой и не отвлекаться. А тебе, друг Аркаша, другое скажу. Мне Бах что сказал? И какими наделил полномочиями? В случае, если переговоры зайдут в тупик, осуществить силовое решение.

– А кто сказал, что они зашли в тупик? – удивился Аркадий Валерьянович.

– Я сказал, – мрачно произнес Леха, повернувшись ко мне. – А насчет того, чтобы вмазать менту, я всегда – за.

– Он – адвокат, – напомнил Аркадий Валерьянович. – И как бы тебе снова срок не вмазали.

– Он – мент, – упрямо, с ненавистью глядя на меня, сказал Леха. – Ментом родился, ментом и подохнет.

Аркадий Валерьянович вопросительно посмотрел на меня, в ответ я посмотрел на свои китайские часы. Сейчас мне было плевать на его «ролекс».

– Минуты две это займет, – сказал я ему. – Не больше. Ну три, в зависимости от его темперамента. Потом я вернусь, и мы продолжим наши переговоры.

– Где вас высадить? – спросил Волоха. – Вон там стройка, пустырь – годится?

На пустыре мне стало тоскливо. Ну какой из меня адвокат, подумал я, ослабив узел галстука, если собрался бить морду потенциальному клиенту? Мне бы его защищать, а не уродовать. Он почувствовал мое настроение, молча развернулся и нацелил свой кулак прямо в мои зубы. Но я увернулся. И нехотя ударил его под дых. Словом, пришлось с ним повозиться дольше, чем я рассчитывал.

Вернулся я в машину через пять минут в мрачном настроении. За это время, пока я проводил свои приемы и контрпиемы, стал накрапывать дож-дик.

Адвокат, мать твою, продолжал я себя накручивать, садясь в машину. Тебе бы портфель, пенсне, часы приема на медной табличке, рюмка водки перед обедом с последующим дневным сном... А ты как был мент поганый, так им и остался. Впрочем, кажется, ничего ему не сломал и не отбил. Один короткий удар в солнечное сплетение и хук слева. Отлежится на досках, куда я его аккуратно уложил. А дождик, который не собирается заканчиваться, надеюсь, освежит его дурную голову.

Аркадий Валерьянович смотрел на меня со страхом. Наверное, в душе он тоже не исключал силовое решение. А теперь, когда оно отпало, ему надо было срочно придумывать что-то другое.

Волоха, тот и вовсе рот открыл. Похоже, Леху он побаивался. Но не знал, радоваться ему или печалиться такому исходу.

– Он что, этот Леха, самый крутой у вас? – спросил я небрежно.

Никто не ответил, словно дара речи лишились.

– Кого-то ждем? – спросил я.

Волоха включил зажигание.

2

Мои родители облегченно вздохнули, когда я перешел в адвокаты. Мать даже прослезилась, узнав об этом. Отец стал лучше спать по ночам. Каждый раз, когда по телевидению или в газетах сообщали о гибели очередного работника милиции или прокуратуры, они просто не находили себе места, представляя, что в следующий раз это может произойти со мной. Они всегда были против профессии, которую я избрал. Объяснить им, чем следователь прокуратуры отличается от участкового, было трудно. Но то, что адвокатов не убивают, они усвоили твердо. И вообще маме нравилось, что адвокаты всегда такие солидные и респектабельные. Похоже, такого же мнения были и родители Кати, к которым я направлялся на очередные смотрины...

Очередные, поскольку с первого раза меня там не разглядели. И разве вы слышали о любви с первого взгляда к будущему зятю?

В этот день, в гостях у будущей тещи, я никак не мог сосредоточиться на том, о чем говорили за столом, или на блюде, которое ставили передо мной.

Краем глаза я видел, как Мария Евгеньевна поджимала губы и с укором поглядывала на дочь, мол, где ты откопала это сокровище. Катя толкала меня в бок... Я тут же начинал невпопад восторгаться фаршированными кабачками, хотя это был перец, либо горячо поддерживал Андрона Игнатьевича, своего будущего тестя, когда он громко заявлял, что в России уже все разворовали и растащили, но нет худа без добра, поскольку мировые акулы империализма, как только растащат последнее, потеряют к нам интерес и перестанут интриговать и засылать своих агентов. Вот тогда и заживем.

– Ты сейчас где? – шепотом спросила Катя.

– В джипе «лендровер», – сказал я. И приложил палец к губам, – после расскажу.

Я раздумывал над тем, как эти, из джипа, узнали о предстоящей нашей встрече с Катей. О том, где и когда она состоится. Что еще они знают? И вообще – кто они? Прослушивают мой телефон? Тогда зачем им нужно было раскрывать это раньше времени? Слушали бы и дальше. Решили продемонстрировать свое всемогущество, благодаря которому они могут все себе позволить? Привыкли не только просить, но и подталкивать?

– Юрий Петрович, попробуйте холодца, – жеманно сказала Мария Евгеньевна, пытаюсь войти в роль тещи. К счастью, ей это плохо пока удавалось. И понимала она свое новое назначение лишь в том, чтобы накормить избранника дочери до отвала. Мол, посмотрим сначала, как он ест. А накормив его до отвала, так что он потеряет способность к сопротивлению, допросим по всей форме. И что за прежняя жена была, и как с ней жилось, да почему развелись...

Такие вещи я просчитываю мгновенно. Будущий тесть развлекал меня своими политическими и экономическими воззрениями на уровне сороковых годов, а вот разговор с будущей тещей пока только намечался. Но одно мне у них понравилось сразу – здесь сначала покормят, а потом уже будут наматывать нервы на палец. С прежней женой и ее мамочкой было иначе. Они обязательно сначала отшибали всякий аппетит, и только потом приглашали за стол. Экономили таким образом продукты, что ли?

Во всяком случае, к моему сердцу через мой желудок они так и не пробились. А других путей, похоже, не знали. Сейчас они обхаживают моего бывшего сокурсника Алика Дорофеева. К обоюдному удовольствию, надо признать. От Аллы, моей прежней супруги, он был когда-то без ума. И радовался нашему разводу без памяти. Все звонил мне и спрашивал, правда ли это. И еще спрашивал моего разрешения ее навестить и вообще, какие цветы она любит... Интересно, надолго ли его хватит. Я же после своего первого брака вынес твердое убеждение, что жениться следует только на сироте.

Но это легко сказать. А где они, эти сироты? Наверняка уже всех разобрали.

– Замечательный у вас холодец, – сказал я. – И как вам это удастся? Ну что ни попробуешь, все так вкусно...

В результате моей недавней схватки на стройплощадке у меня порвался рукав пиджака. Леха махал кулаками, закрыв глаза. Похоже, ему не раз и не два в лагерном бараке устраивали «темную». К тому же он все время за меня хватался, чтобы не упасть. Вот и порвал... А поскольку мы очень спешили, то и пришлось явиться к ее мамочке в таком вот виде. Приходилось как-то прикрывать прореху, чтобы не опозориться... Не скажешь же, что я, адвокат, только что подрался со своим потенциальным клиентом?

– А вот, к примеру, сколько сейчас платят адвокатам? – спросил наконец Андрон Игнатьевич то, что его томило с самого начала смотрин.

– По-разному, – сказал я. – Зависит от известности, количества выигранных дел... И какие это дела. Скандальные или не очень.

– Так вот и бери такие, какие выгодней, – посоветовал Андрон Игнатьевич.

– Папа! – с укором произнесла Катя.

Похоже, они это уже обсуждали без меня. О чем можно говорить, а о чем не стоит. Я не в претензии. Дело семейное. Тем более что по дороге к ее родителям Катя инструктировала меня на ту же тему. Что можно, а чего нельзя. Например, не следует перечить папе, когда он садится на любимого конька – происки международной мафии на постсоветском пространстве. А если спросит, за кого голосовал на последних выборах, сослаться на загруженность: мол, вообще на эти выборы не ходил. И ходить не собираюсь. Ни раньше, когда не было альтернативы, не ходил, ни теперь, когда она появилась. И если он начнет покровительственно поучать, за кого все-таки следует отдать голос на следующих выборах, опять же ему не перечить. А побольше поддакивать, он это любит.

Еще один начальник на мою шею, подумал я. От одних только-только избавился, для чего и подался в адвокаты, а на его место уже спешит другой.

Хотя нечего возводить напраслину на Александра Борисовича, он мне не указывал, за кого голосовать...

Когда я провожал Катю на Башиловскую, она пытливо поглядывала на меня снизу, держа под руку и прижавшись к моему плечу. Сейчас начнет расспрашивать, понравились ли мне ее предки. Потом позвонит маме и передаст ей мои впечатления... Такое уже бывало. Как-то невзначай подслушал. Потом она выслушает мамины замечания. И папины отзывы. О господи... Уже, кажется, проходил все это, так нет, обязательно надо бежать по второму кругу, наступая той же ногой на те же грабли.

– Может сами как-нибудь разберемся? – спросил я. – Взрослые люди, не первый раз замужем, может хватит этих смотрин?

Она обиженно отодвинулась от меня. Замужем она почти не была. То есть был у нее один мальчик, как она его называла. В школе фотомоделей, куда ее взяли, как весьма перспективную, с такими-то ногами, а он там уже учился. И тоже подавал надежды, как породистый, хорошо сложенный жеребчик. Катя уверяла, будто все девчонки сходили по нему с ума и бешено к ней ревновали.

Но его мама с папой были против ее папы с мамой. Мол, больно простые у нее родители. Опять же не та политическая ориентация у тестя. Отец мальчика придерживался противоположной.

Сама Катя им нравилась. И они ничего не имели против, чтобы детки немного пожили в гражданском браке. Получше узнали друг друга. Но только не у них в шестикомнатной квартире на Большой Бронной. Пусть пока поживут у нее, в двухкомнатной квартире, в Дегунино, где кроме родителей и Кати жил еще ее младший брат. А там посмотрим...

Все получилось, как они, наверное, рассчитывали. Сынок прибежал к мамочке на следующий же день. Не выдержал накала политических дискуссий с Андроном Игнатьевичем.

Потом, правда, мальчик звонил Кате домой, не давал проходу в школе, так что его мамочка, глядя на переживания своего сокровища, была уже не против, чтобы они теперь пожили у нее. К тому же Катю стали доставать собственные родители: выходи, мол, замуж, где еще найдешь эдакого богатенького красавчика.

Катя ушла из дома, сняла квартиру на Башиловской, с которой ей теперь надо бы срочно съехать, поскольку ее теперь там будут доставать все эти лекарские и лехи. (Я к тому это все вспомнил, что уж больно похож этот мальчик на Игорька Бахметьева, которого мне сегодня предложили защищать.)

Катя рассказала мне эту свою историю, и я поверил ей, особенно после того, как поговорил с ним разок по телефону у нее дома, в ее присутствии.

Услышав телефонный звонок, она взглянула на часы и сказала, что это он, поскольку звонит ей каждый день в определенные часы, как будильник.

Я сказал ему, привыкшему к нежному обращению, пару ласковых, и он испуганно замолчал, положил трубку и больше Катю не донимал.

И вот примерно такого же сыночка мне сегодня предложили защищать. А я, как адвокат, вроде бы не должен принимать во внимание его моральные качества. Не испытывать никакого предубеждения, поскольку моя новая профессия к этому обязывает.

Но сначала я должен позаботиться о Кате. И о своем телефоне, который, как оказалось, прослушивают.

– Так вот насчет джипа, – сказал я, провожая ее до подъезда. – Тебе придется поменять квартиру, а мне придется заняться своим телефоном. Похоже, наши разговоры прослушивают. Что, кто и почему – не спрашивай. Сам пока не все знаю. Хотя кое о чем догадываюсь.

Она внимательно посмотрела на меня. Ждала объяснений.

– Я ж говорил, – пожал я плечами, – адвокатом я еще не стал, а быть следователем уже перестал. Какое-то время буду находиться в этом подвешенном состоянии.

– За тобой кто-то следит? – спросила она.

– Обиженных моей деятельностью всегда хватало, – ответил я. – А в связи с изменением моего статуса кое-кто полагает, что этим можно воспользоваться. Например, я должен защищать тех, кого в предыдущей жизни выводил на чистую воду. За это мне пообещали ускорить прием в коллегия адвокатов. Адвоката, на чье место меня должны взять, убили.

– Беденький, – сказала она, прижавшись ко мне. – Тебя тоже могут убить?

– Скорее, тебя похитить.

Выбирая меня, она наверняка приняла во внимание мой немаленький рост, ведь девушке так хочется прикинуться к мужскому плечу. Поэтому этим несчастным длинноногим моделям приходится не только ограничивать себя в выборе кавалера, но зачастую обходиться без высоких каблучков.

– Я – твое слабое место? – спросила она. – Меня могут взять в заложницы, чтобы заставить тебя делать все, что они потребуют?

– Поменьше смотри эти триллеры про киллеров, – сказал я сердито. – Я серьезно, а тебе все смешки...

– И я серьезно, – лукаво глянула она на меня. – Слушай, я не хотела бы сегодня оставаться одна без твоей защиты. Не адвокатской, разумеется. И завтра – тоже.

– Разве мама разрешила? – спросил я. – Значит, запреся от бандитов у тебя дома, а твоя мама будет подсовывать нам под дверь свой знаменитый холодец?

– А что тебя не устраивает? – отодвинулась она от меня.

У нас с ней такая игра – отвечать вопросом на вопрос. Проигрывает тот, кто первым не выдерживает. Как правило, выигрывает она.

– Можно сказать, я к этому всегда стремился... – сказал я, оглянувшись, прежде чем войти в ее подъезд. Только что тут увидишь? Если кто-то за нами наблюдает, то наверняка из одной из машин, каких множество стоит на улице.

Мое мнение такое: мы отбились от Наполеона и Гитлера, но перед машинами из тех же стран, откуда они заявили, нам не устоять. Они уже заполонили Москву. И попробуй, изгони этих оккупантов, коли они такие элегантные и быстроходные. Как бы они нас самих не выгнали.

Словом, стоит себе стадо машин с темными окошками, поди установи, подглядывают оттуда за тобой или нет.

В конце концов узнаем и это. Но как бы не было поздно.

Утром нас разбудил звонок. Я подумал, что звонят в дверь, но Катя протянула свою руку к телефонной трубке.

– Тебя, – сказала она удивленно, протягивая трубку. – Ты кому-то давал мой номер?

Ну вот, началось, подумал я, поморщившись, опять демонстрация осведомленности о моем местопребывании. Мол, руки у нас длинные, от нас никуда не спрячешься.

– Юрий Петрович? – пророкотал в трубке уже знакомый баритон Аркадия Валерьяновича.

– Он самый, – сказал я. – И здесь меня нашли, хотите сказать?

Я покивал Кате: мол, те самые, про которых я тебе говорил.

– Извините, что так рано, – сказал Лекарский. – Но произошло неприятное для вас событие. Тот самый Леха, помните, с кем вы вышли из машины, чтобы выяснить отношения, найден мертвым на стройплощадке. Он упал затылком на доски, а там торчал ржавый гвоздь. Короче, он вошел ему под затылочную кость...

– Кто его там нашел? – перебил я его.

– Строители, которые пришли на смену.

– Чуть собачья, – сказал я, похолодев. – Какие еще гвозди? Я его положил, как младенца, отдохнуть. Уж не говорю о том, что он был пьян. При мне ваш Леха повернулся на бок, чтобы ему было удобнее. Спасибо не сказал, зато пригрозил при случае взять реванш.

– Ну, не знаю, – сказал Аркадий Валерьянович несколько растерянно. – Меня просили вам это передать.

– Да кто просил, – не выдержал я, – Бах?

Но он тут же положил трубку.

Я посмотрел на Катю невидящими глазами. Потом присвистнул.

– Многообещающее начало для моей адвокатской карьеры, – сказал я.

Потом лег на спину, положив руки за голову. Надо было срочно обдумать ситуацию, в которую вляпался.

Яснее ясного, что они теперь будут меня шантажировать этим трупом, если он существует на самом деле. Тут у них масса вариантов. От кровавой мести до привлечения меня к уголовной ответственности за убийство.

Я уже видел заголовки в газетах. «Бывший следователь, ныне адвокат, стал профессиональным убийцей!» Почему – профессиональным? А черт его знает. Хотя я это и придумал, но почему-то был уверен: именно так это прозвучит. И моя многообещающая карьера – псу под хвост. А для того чтобы этого не произошло, я должен буду впредь смотреть в рот этому их Баху и угадывать его малейшие желания... Что-то тут не так. Не похоже, чтобы зеленый, неопытный адвокат представлял для него такую ценность. Расскажите это вашей бабушке.

Это с одной стороны. С другой – это могли сделать те, кто убил прежнего адвоката Бахметьева. Чтобы вывести меня из игры. Предупредить, прежде чем замочить. Подвесить на крючок. Зачем? Возможно, предыдущий адвокат узнал что-то такое для них роковое... Но я-то ни черта не знаю! Но, может, смогу узнать, как только ознакомлюсь в суде с материалами дела?.. Если эта информация находится там, в деле, убивать или запугивать адвоката не имеет смысла.

Возможно, прежний адвокат узнал нечто новое, что туда не вошло... что мне предстоит узнать. Да и само убийство адвоката... Связано ли оно именно с этим делом?

Катя молча встала и отправилась в душ. Я посмотрел ей вслед. Обычно она звала меня с собой. Сейчас ушла одна, чем-то обиженная.

Понятное дело – чем. Когда я работал следователем, ей не хватало моего внимания. Обещал ей в корне изменить свое поведение, как только переквалифицируюсь...

Итак, что же они против меня имеют? Есть два свидетеля, что я с Лехой отправился на эту чертову стройку. Кажется, на самой этой стройке, кроме нас, никого не было. Никто не работал, это точно. Может, эта стройка вообще заброшенная? Или там вкалывают лишь в утреннюю смену? До обеда? В наши дни, «в это трудное время», как вещают с экранов сытые рожи, чего только не бывает. Останавливаются стройки, заводы либо работают не на полную загрузку, либо не работают вообще.

Проверим... Леха ни на какой гвоздь там напороться не мог, это факт. Не то чтобы я ошупывал эти доски руками прежде, чем с ним сцепиться. Нет, но было заметно – их еще никуда не прибивали и потому ниоткуда не отрывали. Поэтому никаких угрызений совести я не испытывал. Одно только отвращение – неужели вот так, походя, его принесли в жертву, чтобы вернее посадить меня на крючок? Бах или его противники, не важно. Одного поля ягода, это ясно. Но почему именно я так им нужен или, наоборот, нежелателен?

Я поднял телефонную трубку и набрал домашний номер Александра Борисовича Турецкого. Черт с ними, пусть подслушивают. Сейчас только Турецкий мог мне помочь быстро найти ответы на возникшие вопросы.

Хоть бы он был еще дома, молил я, хоть бы не уехал на службу.

И он будто услышал меня.

– У телефона, – сказал Турецкий хрипловатым утренним голосом.

– Это я, Гордеев, – сказал я. – Извините, что разбудил...

– Юра! – обрадовался он. – Ну как первый блин?

– Как положено – комом, – вздохнул я. – Да еще каким. Вы были правы, когда меня отговаривали. Какой из меня, к черту, адвокат.

– А что случилось? – спросил он озабоченно.

– Еще никого не защитил, но уже, похоже, кое-кого замочил, – признался я вполголоса, поскольку услышал, как Катя вышла из ванной.

– Смеешься? – спросил он недоверчиво.

– Плачу, – ответил я. – И при этом недоумеваю. Но подробности, если можно, потом. Словом, у меня к вам просьба: нет ли сообщений о найденном трупе на пересечении Садового и Новослободской на территории стройки, в сторону центра, рядом с перекрестком? И работают ли на этом объекте люди, ну... строители?

– Понятно, – сказал он озадаченно. – Об этом лучше бы спросить в конторе Славы Грязнова, но, боюсь, он замучает тебя вопросами. Как замучил меня претензиями, почему я так легко тебя отпустил.

– И он был прав, – заметил я.

– Ты дома? – спросил Александр Борисович. – Я тебе перезвоню, как только что-то узнаю.

– Нет, не дома, – сказал я, взглянув на насторожившуюся Катю. – Заодно проверьте, пожалуйста, не прослушивается ли этот телефон. – И продиктовал ему номер, виновато глядя на хозяйку квартиры. Все равно этот номер мои «доброжелатели» уже знали.

– А где... – голос Турецкого дрогнул. Он не договорил. Похоже, был недоволен, что я влип в какую-то историю, едва лишился его покровительства. Впрочем, врожденная интеллигентность не позволила ему договорить вопрос: «А где ты находишься?» О моих отношениях с Катей он знал.

– Это перед кем ты отчитываешься? – спросила Катя, едва я положил трубку.

– Перед бывшим начальником. Перед Александром свет Борисовичем. Он, кстати, передавал тебе привет.

– Только не ври, – сказала она строго, проявляя присущие ей интуицию и аналитические способности.

– С чего ты решила, будто я вру? – обиделся я.

– Говоришь неправду, – смягчила она формулировку. – Хотя бы потому, что он настоящий джентльмен. Откуда ему было знать, что, раз ты не ночевал дома, значит, был у меня, а не у кого-то еще? Передавая мне привет, он поставил бы тебя в неловкое положение.

В ответ я только развел руками.

3

Через час я приехал на эту чертову стройку. Леха лежал там, где я его оставил. Толстый ржавый гвоздь, который вошел под затылком, вылез над кадыком. Возле него хлопотали следователи из ГУВД, осматривали, вынюхивали, фотографировали, составляли протокол. Никаких строителей там не было и в помине.

Грязнов Вячеслав Иванович лично почтил своим присутствием место убийства, поскольку Турецкий попросил его об этом в телефонном разговоре.

– Шито белыми нитками, – прервал он мои объяснения, больше походившие на оправдания. – Доску с гвоздем явно потом подложили. Видишь, она сухая, а нижние – сырые. Причем насквозь. Дождик шел, когда ты с ним тут возился? – спросил он.

– Шел, – ответил я, не скрывая облегчения.

– А потом перестал, – кивнул Грязнов. – Вот такие дела, господин адвокат. В сорочке вы родились. Теперь бы узнать, когда и отчего он на самом деле помер... Уж больно аккуратно лежит. Как в гробу. И ручки очень уж картинно раскинул. Тебе не кажется?

– Похоже на то, Вячеслав Иванович, – поднял голову Витя Тихонов, знакомый медэксперт. – Юра, привет. Когда доску с гвоздем под него подложили, кровь уже успела застыть и свернуться, поэтому из раны в затылке она почти не вытекала. Видите, крови на доске почти нет.

– А кто он, – спросил я, – в картотеке есть?

– С тремя фотографиями разных лет, – ответил Вячеслав Иванович. – Рецидивист первостатейный. Так что особо не расстраивайся. Ночью в виде привидения он к тебе не заявится, поскольку не ты его замочил. Наверное, ему было велено спровоцировать тебя, вызвать на драку. А поскольку ты парень не промах, то с задачей он явно не справился. И хозяева решили воспользоваться именно этим обстоятельством. Ты взял верх, значит, можно инсценировать убийство, чтобы тебя дискредитировать или шантажировать, уж не знаю... Так мне кажется. Ну я поеду, ребята разберутся и мне доложат. Сам понимаешь, как выбился в начальники, пошли дела все больше деликатные, политические да неотложные... Ну, ты смотри, не пропадай. И принеси нам заявление на разрешение носить огнестрельное оружие. Думаю, не помешает. Чудится мне, кто-то под тебя копает, как шагающий экскаватор, так что держи меня в курсе, если что... аблокат!

Он засмеялся, хлопнув меня по плечу, и подчиненные охотно засмеялись вместе с ним, впрочем, вполне дружески. Что поделаешь, в крови у нас это пренебрежение к защитникам – ладно бы сирых и бедных, а то ведь уголовников, разного рода упырей, коим вообще не место на земле. Не из любви к справедливости защита, а за хорошие бабки, наверняка запятнанные кровью невинных. Такие вот обывательские суждения. И чтобы это преодолеть хотя бы в себе, надо самому влезть в шкуру «аблоката». Вот я и влез. И уже сам тому не рад. Только как в этом теперь признаешься?

Вячеслав Иванович еще раз покровительственно хлопнул меня по плечу и направился к поджидавшей его черной «Волге».

Я смотрел ему вслед. Конечно, ему позвонил Александр Борисович. И, конечно, его не пришлось долго упрашивать. Пока есть на свете братство и солидарность профессионалов, пока они вместе держатся, не бросают друг друга в трудную минуту, Фемида может быть спокойна.

Но в тоже время в любой команде, какое бы ни было нападение, без хорошей защиты толку не будет. Мы не можем быть единой командой – следователи, сыскари и «аблокааты». Адвокатская организация как бы альтернатива прокуратуре. В рамках закона мы проводим

каждый свое расследование. И все же мы не противники. Суд решает, чьи доказательства сильнее. А в жизни ни суд и никто иной не вправе нам указать – дружить или не дружить.

Вот такие благородные мысли посетили меня, когда я ехал назад от того места, где лежал мертвый Леха...

Сегодня мне предстояло дежурство в консультации во второй половине дня и еще надо было успеть посмотреть пару сдаваемых квартир, чтобы переселить Катю.

Квартиру я подобрал в тот же день возле Павелецкого, оттуда же позвонил Кате на работу. В трубке долго играла популярная музыка, потом что-то пропищал факс... Я снова набрал номер. Тот же результат.

После окончания своей школы моделей она устроилась в некий офис, куда принимали только с длинными ногами, деловым английским, знанием компьютера и не старше двадцати пяти. Именно Катины двадцать пять мы недавно отметили. Как до этого мои тридцать. Так что она туда вовремя успела и считает до сих пор, что ей здорово повезло.

Правда, я никак не могу понять, чем они там занимаются, кроме печатания объявлений в газетах насчет «дев. привлекат. внеш., незамуж. с дел. англ. ПК, не старше двадцати пяти», на которые клюет немало претендентов. Конечно, мне следовало бы гордиться, что выбрали именно мою Катю. Все-таки их выбор совпал с моим. Но что-то мешает радоваться такому совпадению вкусов.

Вечером я приехал к ней на Башиловскую, решив про себя, что на этот раз расспрошу ее о новом поприще с пристрастием. Она встретила меня в дверях радостно, поцелуями, я уловил запах вина. Оказалось, сегодня офис был закрыт, все ушли на презентацию. Но даже не это главное. Она нашла квартиру – да еще какую! В самом центре и всего за триста баксов. И обо мне она подумала. Квартира возле метро «Октябрьская», это совсем близко от моей консультации и далеко от ее мамы.

Вот только что оттуда позвонили, договорились о завтрашней встрече.

Хоть стой, хоть падай. Я как стоял, так и сел.

– Твой телефон прослушивается, – напомнил я, закинув ногу на ногу, чтобы не выглядеть таким взволнованным, – причем без санкции прокурора. Уже забыла? Именно потому ты отсюда и съезжаешь. В самом скором времени.

Она приоткрыла свой дивный ротик, побледнела, потом покраснела. Пришлось подняться, обнять ее и прижать к своему надежному мужскому плечу.

– Ну-ну, – сказал я, – я тоже нашел для нас квартиру. Еще ближе к моей работе и еще дальше от твоей мамы. Возле Павелецкого. Оттуда сюда не позвонят, поскольку я сказал, что у нас нет телефона.

– Но я ведь уже пообещала, – сказала она, отстранившись от меня. – Я сказала, что квартира подходит! Это интеллигентные люди. Они мне поверили. При мне отказали другим желающим. Ты это можешь понять?

Я внимательно посмотрел на нее. Теперь, пожалуй, будет мучиться и страдать, поскольку подвела хороших людей. И ни за что от этой квартиры не откажется.

– Слушай, – сказал я. – Нам придется соблюдать конспирацию еще какое-то время. Пока я не разберусь с этими... Скажи, ты случайно не звонила отсюда на свою работу или, быть может, с работы звонили тебе?

– Нет, – твердо сказала она, помотав головой. – У нас не принято беспокоить тех, кто находится дома. Также не принято беспокоить звонками из дома тех, кто на работе.

– Хороший принцип, – согласился я. – Здорово придумано. Нам бы в прокуратуру такое правило. Ни за что бы не ушел оттуда... И сколько, если не секрет, тебе платят в таком приличном месте?

– Мало, – вздохнула она, – полторы тысячи долларов. – А увидев мое изумление, поспешила утешить: – Но сегодня мой шеф обещал мне надбавку.

– Пообещал во время презентации?

Она усмехнулась.

– Гордеев! – погрозила пальчиком. – Опять начинаешь? Просто шеф только что подписал новый контракт с Ниной, своей любовницей, повысил ей до двух с половиной тысяч, хотя она английский совсем не знает, а мы только тем и заняты, что учим ее работать на компьютере... Что ты смотришь? Ну прямо как мой папочка. Хотя он еще о моих заработках не знает. Ничего, это скоро у тебя пройдет. Просто в тебе проснулся совковый интерес к чужому карману, хотя для тебя мой карман с некоторых пор совсем не чужой. Плюс у тебя классовая ненависть, помноженная на любовь к моим прелестям... Я права? – спросила она, увлекая меня на софу с множеством вышитых подушечек.

– Просто моему карману вдруг стало неудобно перед твоим, – вздохнул я. – Выходит, тебе придется меня содержать. Хотя бы некоторое время. Но нет худа без добра. Сделаем вот что. Я перееду на ту квартиру, что нашла ты, где телефон наверняка будет прослушиваться, а ты отправишься на Павелецкий. Там триста баксов и там триста. Итого шестьсот. Зарабатываешь ты много, непонятно, правда, за что, так что пусть твои денежки поработают на создание правового государства.

– Ты это серьезно? – спросила она.

– Предложи что-нибудь другое.

– Ну да, я твое слабое звено, – сказала она с обидой. – Ахиллесова пята, можно сказать.

– Вот-вот, – кивнул я. – Но, может быть, закончим нашу пикировку? И займемся укладкой чемоданов?

– Мы будем жить отдельно? – спросила она, по-детски округлив глаза.

Я не ответил. Мне было некогда – собирал свои вещи, стараясь ничего не забыть. Конечно, я вполне мог переехать обратно к родителям в Останкино, но я был уверен, что эти козлы и там меня будут прослушивать. Сейчас я был заинтересован в том, чтобы мой телефон прослушивали, но, разумеется, не домашний. Только так, с помощью Турецкого и новой аппаратуры, я надеялся выйти на их след. Надо разобраться, почему это я стал кому-то нужен или мешать, как только сменил профессию.

Итак, чем я могу помочь подзащитному? На что они рассчитывают? Буду способствовать развалу дела. Например, подскажу Бахметьеву, с кем из свидетелей стоит поработать. Хотя от Петра Савельева, который занимался расследованием, я как-то слышал, что свидетели уже отказываются от собственных показаний. И очень жалеют, что вообще их дали... Бояться, конечно, но пусть их осуждает тот, кто сможет обеспечить их безопасность.

И вообще есть некие тайны следствия, которые им наверняка хотелось бы узнать. Если им помочь, то тем самым, кстати говоря, можно заработать себе репутацию хорошего защитника. Не говоря уже о хороших деньгах. А будут бабки, найдутся и бабы, как сказал когда-то один мой подследственный... Видимо, на это они рассчитывают.

Я с опаской покосился на расстроенную Катю, словно она могла прочесть мои мысли.

– Звонить мне только из автомата, – сказал я сурово. – И вообще с этого дня будешь согласовывать со мной каждое свое телодвижение.

Она промолчала, только кивнула. Это хороший знак. Будет меня слушаться как миленькая. А значит, я буду за нее спокоен.

Когда зазвонил телефон, мы посмотрели друг на друга. Я подумал, что следовало бы купить определитель номера. И даже два.

– Слушаю вас, – сказал я, сняв трубку.

– Итак, сегодня вы видели этот труп, – сказал все тот же Аркадий Валерьянович. – Ну и что теперь скажете?

Значит, кто-то следил за мной, когда я уезжал.

– Грубая работа, – ответил я. – Если хотите на меня это повесить, то предупреждаю сразу – там нет никакой следственной перспективы. Тем более судебной. А впрочем, попытайтесь, чем черт не шутит...

– Есть и другие возможности, – напомнил он. – А с чего вы решили, что это сделали мы?

– Послушайте, – вздохнул я. – Вы же грамотный человек. И довольно интеллигентный. Если это сделали вы, то должны понять: угрожать мне – только зря терять время. Мое и ваше. Я же вижу – вам самому в тягость то, чем вы сейчас занимаетесь. Зачем вам все это? Впрочем, это не телефонный разговор, тем более телефон прослушивается. Короче, я бы просил вас зайти ко мне завтра в то же время в консультацию. И там мы обо всем поговорим. Иначе, как я понимаю, ни вы, ни ваши хозяева так просто от меня не отстанут.

– Вот именно, – сказал Аркадий Валерьянович с некоторым облегчением. Наверное, сегодня же доложит руководству о положительных сдвигах в обработке меня.

– И потом, – добавил я, прежде чем положил трубку, – какой бы ни был человек этот Леха, убивать его ради того, чтобы произвести на меня впечатление, не стоило... У ваших хозяев отсутствует чувство меры.

– С чего вы решили, что это сделали мы? – снова спросил он.

– Может, и не вы, – согласился я. – Может быть, те, кто убрал прежнего вашего адвоката... Чтобы повесить это на меня. А возможно, вас не посчитали нужным информировать об этой провокации. И тем самым поставили в идиотское положение. И не звоните мне больше сегодня. Если хотите, чтобы я поддерживал с вами какую-то связь.

Положив трубку, я увидел расширенные от страха глаза Кати.

– Кого-то из-за тебя убили? – спросила она.

– Не совсем так. Вернее, совсем не то, что ты подумала.

– Но я же слышала!

– А ты не слушай, – отрезал я. – И давай спать. Утро вечера мудренее.

Утром я снова позвонил Александру Борисовичу, на этот раз из консультации.

– Когда суд над сыном Бахметьева? – спросил он.

– Прежний адвокат заявил в суд ходатайство о возвращении дела на доследование, – сказал я. – До сих пор не нашли еще двоих участников. И потом Бахметьев, как отец ответчика, заявил, что ищет другого адвоката взамен убитого. Остановил свой выбор на вашем покорном...

– А ты соглашайся, – засмеялся Александр Борисович. – И проиграй нам этот процесс. Потом разведи руками – стараемся, мол. Но никак. Сошлешься на неопытность. И волки будут в тюрьме, и овцы останутся на свободе.

– Я все-таки адвокат, – укорил я его. – Вы хоть понимаете, что мне сейчас предложили? Помочь обвинению!

– Уж и пошутить нельзя, – сказал мой бывший шеф совсем невесело. Наверное, и сам был уже не рад своему предложению.

– В каждой шутке есть доля чего угодно, – сказал я. – И на любой вкус. Выходит, еще месяц-другой они будут тянуть из меня жилы? Кстати, мы с Катей разъезжаемся по разным квартирам.

– Поссорились? – огорчился Александр Борисович.

Он всегда соперничал своим сотрудникам в их семейных неурядицах.

– Номер телефона новой квартиры они уже узнали. Поэтому проживать там буду я. Катин телефон я пока сам не знаю. Но не удивлюсь, если окажется, что они его уже знают. Вот я, пользуясь нашим знакомством, хотел вас попросить найти тех, кто меня подслушивает.

– Говори номер, – сказал Александр Борисович, – проверим, кто сидит у тебя на хвосте. И новый номер Кати потом тоже нам передашь, на всякий случай. Еще есть пожелания?

– Пусть ребята дадут информацию о Бахметьеве. И еще этот Аркадий Валерьянович, который сватает меня от его имени. Фамилии пока не знаю. Может, слышали где-нибудь?

– Продиктуй имя, – сказал Александр Борисович. – Я запишу.

Это с его-то памятью... С его постулатом, что своей памяти надо доверять, иначе она обязательно подведет в ответственный момент.

4

Мое первое дело началось, когда к моему столу в консультации подошла молодая, стройная женщина с нервным лицом и, ни слова не говоря, протянула вместе с квитанцией толстую газету объявлений «Из рук в руки».

– Вот, прочитайте, пожалуйста! – изрекла она без лишних предисловий и ткнула пальцем в обведенное объявление.

Признаться, я в первый раз читал подобное: «Молодой мужчина, тоск. по ласке и любви, симпат. брюнет, состоят. бизнесмен. 32/180/74 познаком. с молод. девушкой до 25 с хор. фиг. для интим. встреч на ее ж/п, до востреб. 123025 паспорт 766113».

Я поднял на нее удивленные глаза. «Ничего себе начало адвокатской практики», – подумал я.

– И что? – спросил я.

– Это мой муж, – сказала она. – Все сходится. Вплоть до номера паспорта.

– От меня вы чего хотите?

– Как чего? – возмутилась она. – Совета. Как его наказать.

– Да за что? – спросил я. – Вы сядьте, пожалуйста, и спокойно объясните.

– А вы что, не понимаете? – она опустила на стул.

– Ничегошеньки, – пожал я плечами.

– Этот негодяй женился на мне, чтобы я его прописала в Москве. Врал, что любит, я помогла ему, оборванцу из провинции, связала с нужными людьми, они дали ему кредит, во всем помогли, а теперь, когда он разбогател, ему, видите ли, понадобились любовь и ласка от девицы до двадцати пяти!

– Вы хотите с ним развестись? – спросил я.

– Ну нет... пока нет, – она вдруг улыбнулась, – пока такая девица не объявилась, я хотела бы его отучить раз и навсегда! Чтоб было неповадно. Вы адвокат. Вы должны мне помочь.

– Простите, вы меня с кем-то путаете, – сказал я. – Запугивание неверных мужей никак не входит в мои обязанности. Вот разве что напугать его разводом.

– А что, такое возможно? Думаете, испугается?

– Смотря в какой фазе сейчас находятся его поиски, – сказал я. – Вдруг он уже нашел то, что ему нужно. С жилплощадью. И там его готовы принять. Он только обрадуется вашему иску... Вы хоть предъявили ему эту газету, если это действительно он, согласно опубликованным параметрам?

– Ну не совсем так, – помялась она. – Здесь он сбавил себе несколько килограммов. И прибавил пару сантиметров роста. А в остальном – все сходится.

– Боюсь, если он от всего открестится, на суде его никто не будет взвешивать и измерять, – сказал я. – Главное – паспорт. Номер есть, а серия?

– И еще совпадает номер ближайшего почтового отделения, – вспомнила она. – Думаете, случайно? Нет, это точно он! Я заметила – в последнее время он ведет себя подозрительно.

– Так давно или только в последнее? – спросил я. – Скажите, вы, наверное, всегда знали, сколько он весит? Я хочу сказать, быть может, это объявление уже не впервые публикуется, сколько-то месяцев уже прошло и он с тех пор мог вполне потолстеть... Понимаете?

– Если объявление опубликовано, значит, он еще никого не нашел? – спросила она меня с надеждой.

– Не обязательно, – ответил я. – Мне приходилось менять квартиру по объявлению, сколько ни обзванивал приглянувшиеся варианты, везде отвечали, что уже давно поменялись.

Она с минуту меня разглядывала, будто взвешивала и измеряла, как своего супруга. Похоже, примирившись с тем, что он потерял, решила не терять времени.

- А как вас зовут? – спросила она вкрадчиво.
- Юрий Петрович, – пожал я плечами. – Там написано.
- Вы женаты? Можно я буду вас звать просто Юра?

Я растерянно оглянулся по сторонам. Мне показалось, что адвокаты, сидящие за соседними столами, все враз замолчали.

– Во-первых, вы мне еще не ответили – показывали мужу эту газету или нет, – сказал я как можно громче. – Во-вторых, на суде он может поинтересоваться: зачем это вы сами так внимательно изучали в этой газете раздел «Знакомства»? Вы ведь в этом разделе не его объявление искали?

– Ну и что? – с вызовом спросила она.

– Если ему понадобится развод, это укажет на то обстоятельство, что ваши отношения давно и окончательно испорчены. И вот доказательство – вы сами ищете другого мужчину. И потому наткнулись на это объявление. Вы к этому готовы?

Вид у нее был жалкий. Будто этот вопрос на суде уже прозвучал.

– Помогите, – взмолилась она, прижав руки к груди. – Я хочу его вернуть.

– У вас что-то получится в том случае, если вы сами подадите на развод, – безжалостно сказал я. – В суде вы все узнаете. Стоит ли за него держаться или уже поздно. Вполне возможно, там речь пойдет о разделе совместно нажитых сбережений, жилплощади и имущества. Вы к этому готовы? Вы по-прежнему настаиваете на моей помощи?

Она согласно кивнула. Пряча глаза, подписала заявление, которое я ей продиктовал, затем соглашение на защиту и наконец подошла к окошечку секретаря для оплаты части моего первого адвокатского гонорара.

На суде я увидел ее мужа – довольно жалкого субъекта с уже известными мне габаритами. Глаза его испуганно бегали, он потел, божился, будто никого на свете, кроме истицы, не любит, она сама во всем виновата, и потому он просит у нее прощения.

Я подумал, что раз дело дошло до суда, то, наверное, у него где-то что-то не сложилось с другой девицей и потому он снова вцепился в свою жену...

Но меня тогда занимала и другая мысль, вернее, смущала. В коридоре я обратил внимание на еще одну пару разводящихся, чье дело слушалось сразу после нашего. Это была Катя и ее незадавшийся муж Андрей. Там еще была его расфуфыренная мамаша. Она презрительно поглядывала на невестку, оглаживала сыночка, но он только капризно от нее отмахивался. У него был несчастный вид, он постоянно что-то говорил Кате, прижав руки к груди, – эдакий красивый и плаксивый маменькин сыночек, которому в детстве что-то недодали за его несомненные совершенства.

Я встретился с Катиным взглядом. Похоже, она молила меня о помощи. Чтобы я помог ей наконец избавиться от этого слюнтяя. Ей тогда показалось, что я это смогу. Впрочем, если бы ей на глаза попался другой нормальный – по сравнению с ее сокровищем – мужчина, она точно так же была бы готова броситься ему на шею. Лишь бы поскорей покончить с этим кошмаром. Так мне тогда показалось.

Я задумался, вспоминая эту троицу в коридоре, и до меня не сразу дошло, что суд примирил мою истицу с ответчиком... Они оба, счастливые, как в день свадьбы, благодарили меня, когда мы покинули зал заседаний, звали с собой в ресторан, чтобы отметить примирение. Я, конечно, отказался, пообещал как-нибудь в другой раз отметить с ними это событие, сказал, что у меня в суде есть еще неотложные дела, а сам прислушивался к тому, что происходит сейчас за дверью.

Не дай Бог эти тоже помирятся, думал я. Это не так непредсказуемо: кто бы мог подумать, что моя не любящая, не доверяющая друг другу пара после примирения будет целоваться.

Я сидел в коридоре и курил, хотя тут было полно устрашающих табличек, запрещающих курение. Я был в растерянности: вот они скоро выйдут, и как мне тогда себя вести? И когда

дверь через сто или тысячу лет наконец открылась и Катя выбежала оттуда, а за ней выскочил ее уже бывший супруг, я встал на ее пути, отбросив сигарету в сторону.

Она тоже остановилась, посмотрела мне в глаза и пошла дальше, не оглядываясь. Я потянулся за ней следом. Наверное, все это выглядело так, словно мы заранее договорились не общаться, даже не обнаруживать того, что знакомы.

Во всяком случае, ее бывший муж не обратил на меня внимания, шел за нами в отдалении с растерянным видом, пока мамочка не затащила его в машину, за рулем которой сидел водитель. Машина поджидала их возле здания суда.

Так начало моей адвокатской карьеры совпало с началом моей новой жизни с Катей.

Мой друг Вадик Райский, адвокат со стажем, сманивший меня на адвокатскую стезю, говорил потом, что самое первое дело всегда оборачивается чем-то подобным. «У тебя еще что, – смеялся он. – Один мой приятель так просто женился на истице после того, как способствовал ее разводу. Правда, сначала взял с нее гонорар. Который с тех пор возвращает ей с процентами в виде шикарных платьев и драгоценностей».

Райский старше меня на пять лет, считается модным и удачливым адвокатом, к нему идут в основном по делам бизнеса и международного права. Вадик регулярно вылетает за рубеж, кого-то там защищает и консультирует и все ждет, когда я наберусь достаточного опыта, чтобы примкнуть к нему в качестве помощника.

И вот я вспомнил, что он недавно вернулся из Филадельфии, где защищал чьи-то права, и решил с ним посоветоваться по поводу этой темной истории с Игорем Бахметьевым и его командой. Мы встретились с ним в перерыве между сменами, выпили по чашечке кофе.

– Старик, ты все правильно говоришь, ты верно рассуждаешь, но ведь все это – бесценный опыт, – сказал Вадик, раскуривая свою пенковую трубку.

Трубка, борода, небольшой хвостик редких волос под лысеющим затылком, шикарный пиджак с кожаными подлокотниками – что еще нужно для имиджа сегодняшнего адвоката?

– Хочешь не хочешь, а набираться опыта нужно, – сказал он. – И профессионализма тоже. Для этого ты должен сам перед собой ставить самые трудные задачи. И стать в известной мере циником. Например, сказать себе: таких подонков, как этот, я сам бы убивал без суда и следствия, но именно поэтому я буду его защищать, чтобы стать настоящим адвокатом. И если его, благодаря мне, оправдают, пусть гордость за свою победу превзойдет мое гражданское негодование по поводу того, что преступник оказался на свободе. А как ты, милый, хотел? Разве я тебе не говорил? Это у вас в прокуратуре не знают сомнений, действуют без страха и упрека. Там ты четко знал, где правда, где ложь, где зло, а где добро. Здесь же ты – противовес тем, кто злоупотребляет законом. Без тебя нет и не может быть правосудия.

– То есть ты на моем месте...

– Обязательно бы согласился, – пожал он плечами. – Даже не задумываясь. Весь вопрос в приоритетах. Старичок, что для тебя на первом месте? Профессиональный долг или что-то другое? От этого, кстати, зависит, станешь ты адвокатом или так и останешься защитником угнетенных.

– Но дело не только в этом, – сказал я. – Меня хотят использовать. Причем их прежнего адвоката убили. Возможно, это сделали противники Бахметьева по бизнесу.

Вадик присвистнул. Сладковатый запах его табака приятно щекотал мне ноздри.

– Ну и дела... – он откинулся на спинку стула. – Давай сделаем так... Какой гонорар они тебе предложили?

– Разговора еще не было, – признался я, не зная, как он это воспримет.

Он вздохнул, выпустил клуб дыма, собираясь что-то сказать, но я его опередил.

– Мне обещали надежную охрану. Сейчас клиент придет сюда для продолжения переговоров.

– То есть ты еще не сжег все мосты? – спросил он.

– Нет. Но вовсе не потому, что я все еще раздумываю. Меня прессингуют по всему полю. Прослушивают мой телефон, а также телефон моей девушки и все такое... Я хотел бы разобраться, кто именно этим всем занимается.

– Старик, ты извини, но ментом ты был, ментом и остался, – констатировал Вадик. – Хотя и работал в прокуратуре. Теперь это не твое дело – искать преступника, понимаешь?

Я промолчал. Просто не по себе стало от услышанного. Уже второй раз мне это говорят – урка по кличке Леха и модный, всем известный адвокат. Почти слово в слово. Значит, это близко к истине?

– То же самое сказал мне недавно один человек. Отпетый человек из темной компании. И вот представляешь, после нашего с ним конфликта кто-то замочил его. А повесить это убийство хотят на меня. Но ничего у них не выйдет.

– Крутые ребята, – помотал он головой. – Значит, они тебя высоко ценят. Непонятно только – кто они такие. И все равно тебе можно позавидовать. Я серьезно. За всю мою карьеру еще никого не убивали, чтобы заставить меня на кого-то работать. Здорово начинаешь.

– Словом, ты бы на моем месте взялся за это дело? – спросил я.

– При двух условиях, – сказал он, подняв вверх два пальца. – Первое – безопасность. Второе – размер гонорара. И третье – если возьмешь меня в долю. А то наломаешь дров... Но при этом нужно твое искреннее согласие выиграть это дело, хотя при этом проиграют твои товарищи в прокуратуре.

Я только развел руками: при чем здесь прокуратура?

– Куда ни кинь, всюду клин, – сказал я.

– Старик, только, пожалуйста, не говори нет. Никогда не говори никогда, как выражаются американцы. У меня есть одно правило, к которому я прибегаю в затруднительных ситуациях. И которое до сих пор мне помогало. Ситуацию, в которой я оказываюсь, обязательно проецирую на аналогичную ситуацию в спорте. Представь, ты перешел из одной команды в другую. И тебе приходится играть против своих. Будешь играть или нет? Притом что знаешь слабые и сильные места своей прежней команды? Вот где определяется – настоящий ты профессионал или так, только любитель. И даже если согласишься, нужно еще посмотреть, как ты будешь против своей бывшей команды играть. А тебе ведь не надо играть против своей бывшей команды? Ты ведь что-то другое задумал?

– Удивительно, – помотал я головой. – Мне Александр Борисович говорил похожее, правда, в шутку.

– Вот он, твой Александр Борисович, как представитель обвинения – настоящий профи. Для него прежде всего дело.

Я посмотрел на часы.

– Идем, – сказал я. – Я познакомлю тебя с этим типом Лекарским, мы не скажем ему ни да ни нет, а ты потом мне выскажешь о нем свое мнение.

5

С Аркадием Валерьяновичем мы встретились в отдельном кабинете, который нам уступил заведующий консультацией.

По моим предположениям, Аркадий Валерьянович, как светский человек, просто не мог не произвести впечатления на другого светского человека, Вадима Райского.

Пока они церемонно знакомились, приятно улыбались и как бы невзначай демонстрировали друг другу свои разного рода причиндалы – трубки, золотые цепочки карманных часов, пиджаки от Версаче и прочее, указывающее на их принадлежность к высоким кругам, – я, потешаясь, наблюдал за ними. И удивлялся тому, что они друг друга раньше не знали, не встречались прежде на каких-нибудь светских раутах.

Казалось, они забыли о моем существовании, а когда вспомнили, то были раздосадованы тем обстоятельством, что придется вести беседу с человеком, который осмелился предстать перед ними без галстука.

Но когда разговор начался наконец по существу, стало ясно, что не так уж они одинаковы, многое их разделяет.

– Господин Лекарский, – сказал я, – как вы понимаете, после всего случившегося с Лехой я не могу вам доверять полностью.

При этом я покосился на Вадика, который слегка от этих слов поморщился.

– Надо ли напоминать, что я имею в виду? – спросил я Лекарского.

– Вы говорите о гибели Лехи, случившейся после вашей с ним драки? – небрежно поинтересовался Аркадий Валерьянович.

– Я хочу быть уверен, что наш разговор вами не записывается, – официально заявил я. – И вам лучше сказать сразу: вы сейчас делаете такую запись или нет?

Вадик, на которого коротко, в поисках сочувствия, взглянул Лекарский, нервно вздохнул, что могло означать лишь одно – он тоже не в восторге от моей прямолинейности.

– А если я вам скажу «нет», вы будете меня обыскивать? – спросил Аркадий Валерьянович улыбаясь.

Вадик повернулся ко мне и, уже не скрывая досады, выразительно посмотрел на меня. Но я уже не мог остановиться. Я был почти уверен в своей правоте.

– Для этого мне пришлось бы вернуться туда, откуда я пришел, и пригласить понятых, – сказал я. – Просто перед встречей с вами я запасся прибором, который безошибочно реагирует на работу записывающего устройства. Он при мне. Однако мне пока не хотелось бы его применять. Надеюсь, что мы с вами и без него разберемся.

Конечно, я здорово рисковал, блефуя таким образом. Никакого прибора у меня с собой не было. И я не вполне был уверен, что таковой вообще существует в природе. Что-то слышал о каких-то пробных разработках в этой области, а вдруг его еще нет? Но по изменившемуся выражению холеного лица Аркадия Валерьяновича я понял, что попал в точку. На нашу встречу он пришел не простачком. Иначе и быть не могло. Наверняка сам предложил хозяину записать разговор, поскольку тот не очень ему доверял. Мол, эти интеллигенты всегда между собой договорятся. Вадик удивленно переводил взгляд с него на меня. Аркадий Валерьянович не смотрел ни на одного из нас. Молча отколол большую красивую булавку от своего клубного галстука и положил на стол.

– Но уже произведенную запись придется стереть, – сказал я ему, разглядывая устройство. – Вы знаете, как это сделать?

Он пожал плечами, по-прежнему ни на кого не глядя. По его отрешенному виду нельзя было понять, как он относится к своему проколу – очень переживает или нет. Вадик, присвистнув, покачал головой.

Я вертел булавку и так и этак. Булавочка стоила, наверное, как хороший «мерседес». Если не больше.

– Мне нужна сильная лупа, – сказал я Вадику. – Иголка тоже.

Он с готовностью стал руться в столе хозяина кабинета. Я чувствовал себя победителем – проницательным, бывалым человеком. Что касается Аркадия Валерьяновича, то он смотрел на меня с возрастающей надеждой. Вдруг помогу ему в той опасной ситуации, в которой он оказался?

Через несколько минут я нашел то, что меня интересовало. С помощью компьютера стер запись на миниатюрном диске устройства. Аркадий Валерьянович был потрясен. А я раздумывал, каким образом из этой ситуации можно выжать, выторговать побольше.

– Давайте по порядку, – сказал я. – Разберемся сначала с тем, что мне и моей девушке угрожает. А уж потом поговорим о гонораре.

– Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я теперь работал на вас? – спросил Аркадий Валерьянович.

– Вы мне еще не ответили, – нетерпеливо сказал я.

– Я просто хочу быть последовательным, – сказал он. – Вы раньше спрашивали меня, как я попал в эту компанию, не так ли? Или вас это больше не интересует?

– Ну почему, – пожал я плечами. – Наверняка точно так же, как должен был попасть я. С помощью шантажа и угроз. Тот же сценарий. Проверенный и обкатанный, в том числе на вас.

– Так, да не совсем, – вздохнул он. – Баха я уважаю. Поверьте, его есть за что уважать. Он мне здорово помог, причем бескорыстно, в моем собственном бизнесе. Хотя в чем-то вы правы. У меня двое детей. Однажды их похитили. И Бах всеми силами способствовал их освобождению, когда меня уже предупредили, что я потеряю их безвозвратно. А что было делать? К органам обращаться абсолютно бесполезно... Я отнюдь не трус, просто был уверен, что там мне не смогут помочь. И вот тогда по своей воле я оказался в его команде. Я считаюсь крупным бизнесменом, являюсь членом правления нескольких банков, которые находятся под его патронажем. Всех интересует моя респектабельность и мои связи для выполнения некоторых деликатных заданий.

– Что обо мне у вас знают? – спросил я.

– Почти все. Бах не теряет надежды, что вы примете участие в защите его сына. Прежний адвокат, ныне покойный господин Колеров, ознакомил его с делом, и он уверен, что там есть сомнительные моменты... Например, показания потерпевшей. В протоколе ее допроса записано, что Игорь Бахметьев участвовал в этом деле...

– Что столь же однозначно подтверждает экспертиза, – напомнил я.

– ...Но теперь она говорит, что в этом не совсем уверена, – закончил Лекарский.

– Еще я слышал, что свидетели запуганы и отказываются от своих показаний, – добавил я. – Возможно, вы потерпевшую тоже запугали. Но это мое предположение. Баху пока об этом не докладывайте.

– Слушаюсь... – улыбнулся Лекарский. – Как видите, я почти стал вашим агентом.

– Двойным агентом, – сказал я. – Но вы так и не ответили, что у вас знают обо мне и моей девушке?

– Можете считать, что все. Например то, что вы с ней разъезжаетесь по разным адресам. Они уже знают, где ваши нынешние квартиры, одна, кажется, у Павелецкого, а также номера ваших новых телефонов. И смеются над вашими потугами их запутать. Хотя отдают должное той оперативности, с которой вам удалось разделаться с обвинением вас в убийстве этого несчастного Лехи. При этом хочу вас заверить – никакого отношения мы к этому не имеем. Наверняка это сделали наши оппоненты.

– Да кто же такие вы? – не выдержал Вадим. – И кто они? Вы можете назвать фамилии? Бах, Лекарский... Это с вашей стороны. А с другой?

– С другой стороны – другая финансово-промышленная группировка, Соковнина, бывшего вице-премьера правительства... Об этом все знают, читайте газеты. Поймите, я и так сказал вам слишком много, если учесть, что до сих пор здесь, в вашем кабинете, вопрос о моей безопасности даже не ставился, – угрюмо произнес Лекарский. – Я не спрашиваю, записываете ли вы наш разговор, чтобы потом в свою очередь можно было меня шантажировать. Охотно поверю вам на слово, что это не так. Но мне нужны гарантии, понимаете? Откуда я знаю, что вы, Юрий Петрович, в один прекрасный день, когда решите для себя, что профессия адвоката вовсе не для вас... Словом, вы сейчас устроили мне такой допрос, что мне начинает казаться, будто я не на Таганке, а на Лубянке.

Вадик громко хмыкнул, но ничего не сказал.

– Вы правы, – согласился я. – Полной гарантии мы вам дать не можем. Но вам ведь предстоит отчитываться перед ними, – я кивнул на дверь, как если бы там находились предполагаемые темные силы, – поэтому договоримся так. Запись мы все же сделаем, но такую, которая ваших работодателей дезориентирует.

Лекарский молчал, видимо обдумывая мои слова.

– Но для этого нам сначала придется дать согласие, – вмешался Вадик. – А ты, как я вижу, к этому просто не готов.

– Это не так просто, – ответил я ему. – Все вокруг только тем и заняты, что толкают меня в эту пропасть. В том числе и ты... – и обратился к Лекарскому: – Я, пожалуй, смог бы принять ваше предложение, но при одном условии – никаких тайн следствия я не знаю и знать не могу, поскольку в нем не участвовал. Но если бы даже знал, никогда бы этим не воспользовался.

– Вот это стоило бы записать для вашего хозяина, – сказал Вадик, глядя на Аркадия Валерьяновича.

– Мой хозяин рассчитывает на ваши связи в прокуратуре и ГУВД, – устало сказал Лекарский. – Неужели не понятно?... Только там можно почерпнуть нужную информацию об этом деле. Например, для того, чтобы его развалить... Не мне вас учить, как это делается. Так что, приступим к записи?

– Сначала отрепетируем, посмотрим, как это у нас получится, – сказал я. – Значит, вы делаете мне предложение, я колеблюсь, господин Райский запрашивает цену, потом начинает торговаться, а я, чтобы сохранить лицо, выставляю свое условие, которое вы только что слышали, и, поломавшись, даю себя уговорить.

Лицо господина Лекарского уже не выражало задумчивости, теперь на нем читалась обеспокоенность. Он понимал, что это совсем не то, что ожидали от него те, кто его сюда прислал.

– Итак, приступим? – азартно спросил Вадик. Похоже, в детстве он не наигрался в казаки-разбойники и теперь неверстывал, хотя взрослая игра в следователи-преступники таила в себе большую опасность.

...Мы репетировали в течение получаса. Потом записали и прослушали то, что получилось. Нашли, что кое-где Аркадий Валерьянович фальшивит.

В его положении это было объяснимо. Нам же была нужна для его же безопасности полная естественность. И хотя он, в конце концов, махнул рукой и сказал, что, мол, сойдет и так, мы с Вадиком все переписали, заставив его еще раз все повторить.

Я понимал, во что влезаю. Хотя и не в полной мере. Например, понимал, что многое придется оставить так, как есть. Кате придется въехать в одну квартиру, мне в другую, надо будет выбирать выражения в разговорах по телефону, чтобы подслушивающие ничего не заподозрили. Неопытному человеку с шаткими нервами такое не по силам, но мы с Катей справимся.

Не откладывая, следовало бы установить, кто он такой на самом деле, этот Бахметьев. Фигурой он был заметной, иногда даже выступал по телевидению. Приложив старание, сделать это можно: он же не скрывается, живет открыто, так что установим.

– Теперь поговорим о приятном, – сказал Вадим, – о гонораре.

Должно быть, он мысленно потирал руки, предвкушая нечто сказочное.

– Это вопрос действительно более приятный, – согласился Аркадий Валерьянович, постепенно обретая свой прежний вид. – Я-то работаю, как вы понимаете, за идею.

– Самая замечательная на свете идея, – сказал я, – это защита собственной шкуры.

– Теперь становится понятным, почему вы пошли в адвокаты. – Лекарский учтиво склонил голову с аккуратным пробором.

– Так сколько? – спросил Вадим.

– С одной стороны, Юрий Петрович – начинающий адвокат, поэтому сумма будет соответствующей, – сказал Аркадий Валерьянович. – С другой стороны, после убийства адвоката Колерова участие в этом деле стало опасным. Хотя для Юрия Петровича, можно сказать, такое привычно... А вы, Вадим Андреевич, вполне можете выйти из игры, поскольку о вас речь не шла, о вас ничего не знают... Так вот, буду говорить откровенно. От предложений таких людей, Юрий Петрович, как мой шеф, лучше не отказываться. Поскольку теперь вы слишком много об этом знаете и вас могут использовать его недруги – вы становитесь для него опасны. Бах оставит вас в покое на время судебного разбирательства, но если дело будет проиграно...

– Это шантаж! – заявил Вадим. – Разве адвокат может отвечать за решение суда?

– Я неточно выразился, – кивнул Лекарский, – поймите правильно, я говорю лишь о своем понимании последствий. Сам Бах не ударит пальцем о палец, но его люди просто рассчитаются с Юрием Петровичем, скажем, за смерть своего товарища, того самого Лехи...

– Но, если я правильно понял, – Вадим смотрел на меня со страхом и сочувствием, – в проигрыше судебного процесса невозможно будет доказать вину Юрия Петровича.

– А никто и не собирается доказывать, тем более обижаться на суд, – прервал я его. – Там у них свое правосудие. Пришьют меня, или Катю, или нас обоих и назовут это справедливым возмездием. Продолжайте, Аркадий Валерьянович, мы вас внимательно слушаем.

– Поэтому не лучше ли нам снова переписать нашу беседу? – вдруг произнес Лекарский. Мы с Вадимом переглянулись.

– Серьезные ребята, – сказал Вадим изменившимся голосом. – За всю мою практику такое впервые... Неужели они вообще ничего и никого не боятся? Но есть же у нас прокуратура, милиция, госбезопасность... Или эти бандиты на самом деле уже настолько неуязвимы?

Аркадий Валерьянович Лекарский только грустно улыбнулся, прикрыв глаза: выходит, что так.

– Иди-ка ты куда подальше! – зло сказал я Вадиму. – Это мое личное дело, тебе тут ничего не светит. Как-нибудь сам с ними разберусь. И наш разговор действительно лучше переписать. Без твоего участия. Ты тут вообще ни при чем.

– Уж ты разберешься... – махнул он рукой. – Опять начнешь выдвигать им условия и загонишь сам себя в угол... Ладно, я согласен, – неожиданно прервал он свои сомнения. – Попробуем, в конце концов. Итак, нам нужно составить договор, в котором клиентом будет значиться Бахметьев-старший.

Лекарский не без удивления посмотрел на моего друга.

– Понимаете, в чем дело, – продолжал Вадим, напряженно улыбаясь. – Вы, я вижу, удивлены. Просто это будет непрофессионально, да и не по-товарищески, если я оставлю Юру один на один с этими... Ну, от имени которых вы ведете с нами переговоры. Как раз до вашего прихода я распинаялся перед ним о том, что настоящему адвокату нельзя отказываться от возможности приобрести бесценный опыт в любом деле. И вот возникла такая возможность...

– Вадик, успокойся, никому не нужны твои объяснения, – прервал я его. – Давай каждый будет отвечать за себя. Я втравил тебя в это и готов перед тобой извиниться.

Но он твердил свое:

– Я перестану себя уважать, если оставлю тебя одного с этими бандитами...

– Ты можешь просто мне помогать, – пытался я вразумить его, но ничего не помогало. Пришлось призвать на помощь Лекарского. – Аркадий Валерьянович! Вы-то что молчите, скажите, объясните ему, с кем придется иметь дело.

– Имею я право на самоуважение, в конце концов! – продолжал негодовать Вадим. – Имею я право на чистую совесть и спокойный сон, раз уж ввязался, вляпался в эту историю?

– Ты хочешь, чтобы я плохо спал? – в тон ему спросил я. – Чтобы меня мучила совесть, если с тобой что-то случится?

Вадим слегка поостыл.

– Не будь занудой, – сказал он мне. – Прежде чем мы сами ознакомимся с делом, расскажите, Аркадий Валерьянович, о нашем подзащитном. О том, что в это дело не вошло, а уж потом мы составим наш договор. Согласны?

6

– Игорю Бахметьеву пятнадцать лет, – начал Лекарский. – Он сын весьма влиятельного в деловых кругах бизнесмена и бывшего политика, который в самом начале перестройки был у всех на виду и на слуху.

– Да, я слышал эту фамилию, – кивнул Вадим.

– Я неплохо знаю эту семью, – продолжал Аркадий Валерьянович. – Так вот, я своим ушам не поверил, когда услышал, что Игоря, этого пай-мальчика, обвиняют в зверском изнасиловании с двумя неизвестными парнями его одноклассницы Оли Ребровой, чью семью, кстати говоря, я тоже знаю... Этих подонков до сих пор не нашли. И потому суд пока удастся откладывать... Забыл сказать, что они учились вместе в одном лицее, ну, знаете, для привилегированных, где плата за обучение весьма высокая и мало кому по карману. По-моему, Бахметьевы и Ребровы даже некогда дружили семьями. Я знаю их и с трудом во все это поверил.

– Что они собой представляют, – спросил Вадим, – эти девочка и мальчик? Дружили, ходили вместе на каток, в театр, на дискотеку, что еще?

– Она – красивая, физически развитая девушка, он же, тщедушный, невысокий, молчаливый, даже замкнутый... – ответил Лекарский. – Отношения у них были скорее товарищеские, какие бывают у школьников, которые живут в одном доме и учатся в одном классе.

– Но в половом плане мальчик вполне созревший, как следует из материалов экспертизы, – добавил я.

– Может быть, – согласился Лекарский. – Я не спорю. И отвечаю только за свои суждения, основанные на моих впечатлениях. Уверен, что тех двух других негодяев он знал поверхностно. Они будто бы сказали ему, что тебе ничего не грозит как несовершеннолетнему. А если что, то твой папа тебя всегда вытащит. Правда, для меня остается непонятным, что общего могло быть с ними у Игоря.

– Статья сто тридцать первая пункт два-в, – снова вмешался я. – Именно она их связывает.

– Я могу продолжать? – склонил к плечу голову Лекарский. – Спасибо. Так вот, он постоянно повторяет, что они его принудили.

– А что показала потерпевшая? – спросил Вадим. – Как это записано в материалах дела?

– Что он в этом участвовал, позвал ее на улицу, – ответил Лекарский, – что был с ними, а дальнейшее плохо помнит, поскольку теряла сознание.

– Где, при каких обстоятельствах это случилось? – продолжал спрашивать Вадим. – Это тоже важно. Была ли вечеринка, дискотека, чей-то день рождения... Было ли спиртное, наркотики? Словом, существовала ли обстановка, провоцирующая насилие?

– В материалах дела вы сможете найти исчерпывающие сведения... Я бы только хотел добавить одно – родители девочки сами не верят, что Игорь мог это совершить.

– Эти парни там же живут? – спросил я.

– Существенный вопрос, – кивнул Лекарский. – В том-то и дело – неизвестно, где живут. Их до сих пор не могут найти. Никто из немногих свидетелей их не знает, никогда прежде не видел.

– Со свидетелями всегда проблема, – заметил я. – Сначала наговорят, а потом от всего отказываются.

Аркадий Валерьянович внимательно посмотрел на меня. По-видимому, у него тоже были к свидетелям определенные претензии.

– Очевидно, эти подонки живут в другом районе. Игорь уверяет, что просто не мог их знать, – сказал он.

– В общем, об этом лучше прочитайте в материалах дела, – заключил я.

Пора было заканчивать разговор, мы все трое порядком выдохлись.

– Еще один вопрос, и мы закончим, – сказал Вадим. – Вопрос извечный и не потерявший свою актуальность. Кому выгодно, чтобы Игорь, сын известного политика и бизнесмена Александра Бахметьева, сидел в тюрьме? Есть такие люди?

– Он совершил изнасилование, – напомнил я. – Не хочешь же ты сказать, что сделал он это по заданию конкурентов своего отца.

– Я об этом ничего не знаю и не хочу даже слышать! – воскликнул Вадим. – Над этим вопросом должен был ломать голову следователь. А я спрашиваю как адвокат: существуют ли на свете такие люди, которые могли бы извлечь из этого события какую-либо пользу для себя?

Лекарский молчал. И мне пришлось отвечать Вадиму.

– Изнасилование производится не для практической выгоды, а похоти ради. Кто из насильников и когда совершал это ради политического или коммерческого интереса? Это наемный убийца работает на кого-то ради денег. Убирает конкурента своего нанимателя, а на саму жертву ему наплевать. Насильник же взыскует удовлетворения своих низменных инстинктов, поскольку к жертве он, напротив, весьма неравнодушен.

– И это говорит один из лучших выпускников нашего юрфака, – вздохнул Вадим. – Вот что значит слишком долго работать следователем прокуратуры... Я вовсе с тобой не спорю. Именно такова обычная, всеми принятая, мотивация изнасилования. Но разве нельзя это обстоятельство как-то использовать, чтобы скрыть истинный мотив?

– Не слишком ли изощренная версия? – спросил я. – Ни о чем подобном я никогда не слышал.

– Я не берусь высказать что-то определенное, – пожал плечами Лекарский, – просто не готов на это ответить... Но что-то в словах Вадима Андреевича есть. Могу только сказать, что Бах очень любит сына. Души в нем не чает. А истерия, поднятая в нашей прессе по этому поводу как раз накануне предстоящего инвестиционного аукциона, вызвала у него сердечный приступ. Понимаете? Теперь в газетах, принадлежащих нашим конкурентам, пишут, что отец хочет любой ценой погасить скандал, подкупить судей, чтобы спасти сына от тюрьмы, спасти свою репутацию. Нынче в России репутация растет в цене. Иностранные инвесторы и партнеры всегда начинают с репутации, когда собирают информацию о партнере... Гибель адвоката Колерова нам очень повредила. И это вдобавок к тому, что Бах недавно пережил инфаркт.

– Возможно, его враги владеют медицинской информацией о его болезни и хотят это использовать, – согласился Вадим. – Действительно, зачем постоянно убивать физически из-за угла или в подъезде? Старо и опасно... Можно убивать морально. К тому же Бах не один и его физическое убийство только повысит реноме тех, кого он представляет. А вот ударить его в самое больное место, морально вывести из строя – что-то новенькое для нашей общественности... Тем более что в инфаркте отца как бы повинен сын и газеты, которые раздули это дело.

Лекарский с возрастающим уважением смотрел на Вадима.

– Да кто сегодня на это обращает внимание... – отмахнулся я. – На мораль господина Бахметьева, которая давно запятнана. Савельев – опытный следователь, с хорошей интуицией. Грубая фальсификация у него не прошла бы. Словом, сначала надо познакомиться с материалами дела. А пока что нам необходимо условиться о дальнейшей связи. Как нам вас найти? – спросил я Лекарского.

– Я сам вас найду, когда это будет необходимо, – сухо ответил он. Похоже, Аркадий Валерьянович был недоволен моими сомнениями. – И еще, Юрий Петрович... Я понимаю, что, как адвокат подзащитного, вы не имеете права разговаривать с потерпевшей, ибо вас могут обвинить в давлении на нее...

– Именно так, – подтвердил Вадим. – Никаких контактов до суда.

– Но если случится так, что она сама вам об этом расскажет, – сказал Лекарский, – выслушайте ее. Возможно, вы узнаете то, чего нет в материалах следствия... Сделаем так. Я пого-

ворю с ней. И если она выразит желание пообщаться с вами, я вам дам знать об этом. Все произойдет чисто случайно. Поверьте, я эту девочку и ее родителей хорошо знаю. О вашем разговоре с ней никто знать не будет. Моего слова вам достаточно?

Я не знал, что ответить. Посмотрел на Вадима, но у того был такой вид, будто он ничего не слышал.

Лекарский привстал с кресла и коротко поклонился. Таким образом, эту тему мы исчерпали. Предстояло переписать наш чертов разговор на этой дискете, а уж потом составить договор...

7

Вечером я приехал к Кате на Башиловскую. Она не сразу заметила, как я вошел, – собирала вещи, поглядывая на экран телевизора, где выламывался ведущий очередного ток-шоу. В руках у меня были цветы и бутылка ее любимого муската.

– Ужин на плите, – сказала она, не отрываясь от телевизора. – Сам разогреешь?

Потом увидела цветы и вино.

– Боже, Гордеев! Не иначе как в чем-то провинился? Спешешь загладить вину?

Сегодня она явно была не в духе, раз называла меня по фамилии. Уже привыкла жить здесь, теперь придется опять привыкать к новому месту...

Я виновато смотрел на нее. Она шурилась, глядя на меня.

– Гордеев! Лучше сразу выкладывай, что случилось или какой запрет еще придумал. К тебе ни звонить, ни ближе пяти метров приближаться нельзя, но хоть письма до востребования писать можно?

– Лучше давай поженимся, – сказал я. – Чего нам еще тянуть и выяснять.

– Вот именно, – согласилась она. – А то я уже чувствую себя женой декабриста, только наоборот. Это мне мама сказала, когда я с ней поделилась. Те ездили за мужьями, а тебе, говорит, как в песне о гражданской войне – в другую сторону. Только потом не будешь мне говорить, что свои чувства не успел проверить? Особенно если найдешь еще какую-нибудь разведенную, только помоложе, в своем суде.

– Знаешь, – сказал я после ужина, когда собрался с духом. – Твой телефон на новой квартире они уже знают. И тоже будут прослушивать. Это точно, и я пока просто не знаю, что с этим делать...

Она почему-то обрадовалась.

– Вот здорово! Тогда зачем нам переезжать? Пусть здесь нас слушают, какая разница?

– Здесь опасно, – сказал я. – Раз у них существуют такие возможности для прослушивания, представь, на что еще они способны. Словом, они уже знают, что мы меняем квартиру. И кто из нас куда переезжает.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что даже сейчас они нас слышат? – тихо спросила она.

– Ну это вряд ли, – пожал я плечами. – Только говори потише, хорошо?

– Да пошли они, знаешь куда! Чтобы я, в своем доме, боялась слово сказать? Лучше объясни, что ты собираешься в связи с этим предпринять?

– Пока ничего. Надо все знать наверняка, прежде чем что-то делать... Скажи, до моего переезда сюда твой телефон случайно не ломался?

– Было дело, – кивнула Катя. – А откуда ты знаешь, разве я тебе говорила?

– И что было потом?

– Ну, я позвонила на станцию. Приехал мастер, такой улыбчивый, молодой, симпатичный, все время напевал, когда исправлял. Я предложила ему кофе, а он отказался, сказал, что много заказов, разве что в другой раз, когда телефон снова сломается. А что? Что ты так на меня смотришь? Он мне не звонил, никуда не звал...

Не говоря ни слова, я подскочил, взял телефонный аппарат, взвесил на руке, как если бы хотел узнать, насколько после ремонта он стал тяжелее.

– Отвертки у тебя, конечно, нет, – сказал я. – Дай хоть какой-нибудь ножик.

На этот раз она ничего не спросила. Только кивнула и протянула мне небольшой ножик, которым чистила картошку.

Так и есть. «Жучок» новейшей конструкции, американский, без батареек, питается от телефонной сети. Таких, подумал я, и в ФСБ немного. Их только начали осваивать.

Она прикрыла рот ладонью.

– Может, его отключить? – спросила она.

– Только на время, – ответил я, – скажем, до утра. Чтобы это выглядело вполне естественно. Ничего нет особенного в том, что телефон отключают на ночь...

Я сначала хотел отключить и «жучок», но подумал, что на этот случай у них предусмотрен от него некий сигнал, и отказался от этой мысли.

Конечно, появился соблазн просто испортить телефон и посмотреть, кто на этот раз сюда заявится и под каким предлогом.

Но они уже знают, что мы переезжаем. Поэтому это лучше сделать там, на новом месте. Если снова придет этот симпатяга, о котором она рассказала, стоит взять его на заметку и проследить за ним.

Только вряд ли они допустят подобный прокол. Наверняка придет кто-то другой. И что же это значит? Что они уже контролируют телефонные узлы в столице? Как большевики в семнадцатом, только втихомолку, без шума, пыли и революционных матросов? Но в любом случае надо это проверить.

– Он хоть квитанцию тебе оставил? – спросил я.

– Да, где-то была... – Катя порылась в бумагах и протянула мне невзрачный квиток с неразличимыми номерами и фамилиями. На такие бумажки внимания обычно не обращают. От них легко откреститься. Но проверить все равно стоит.

– Ничего не понимаю! – вдруг взорвалась Катя. – Мы где живем, Юра? Где твоя милиция, прокуратура, все эти ваши органы безопасности?

– Вот-вот, – сказал я шепотом. – Сегодня Вадик Райский задавал мне точно такие же вопросы. Теперь нам придется быть крайне осторожными, понимаешь? Нельзя им показывать, что мы что-то узнали, понимаешь?

– Я только хотела сказать, что никогда не отключаю телефон на ночь, – ответила она усталым голосом. – Если они постоянно нас слушают, то это знают...

– У них там записывающее устройство, – объяснил я. – Оно срабатывает, как только поднимешь трубку. Утром они прослушают, о чем говорилось этой ночью.

– Но тогда лучше все оставить как есть? – сказала она. – Ведь они поставили эту мерзость еще до того, как ты ко мне переехал, правильно? И отключение свяжут именно с тем, что ты их раскусил. И теперь будут настороже.

– Ты права, – согласился я. – Поэтому давай снова все включим. И пусть слушают. Сделаем вид, что ничего не знаем. – И я снова взял нож для чистки картошки.

Катя следила за моими манипуляциями, прижавшись головой к моему плечу. Ее веки слипались.

– Пора спать, – сказал я. – Утро вечера мудренее.

Ночью я долго не мог заснуть. Пытался себе представить, как буду разговаривать с родителями потерпевшей Оли Ребровой в качестве адвоката насильника. Сам насильник сидит дома с подпиской о невыезде. И с ним теперь тоже придется разговаривать.

Я интуитивно чувствовал правоту Вадима Райского. Что здесь не все еще ясно. У Вадика, что называется, свежий взгляд со стороны.

Значит, так: влиятельные родители хотят вытащить сыночка из этой мерзкой истории, подрывающей папину репутацию. С другой стороны работают мощные и влиятельные конкуренты. Подключились такие силы, с такими возможностями... если судить о прослушивании моего телефона. Александр Борисович говорил мне как-то, что Игорь на насильника не тянет. Слишком робкий. Даже при том, что экспертиза подтвердила его вину... Да он и сам в этом сознался. И даже хотел взять всю вину на себя. Зачем же ему выгораживать тех двоих?

Поэтому Савельев и считал это дело законченным, а вину Игоря доказанной. Что еще я знаю об этом деле? Кажется, потерпевшая показала, будто Игорь вызвал ее на улицу поговорить

с каким-то знакомым... И во время разговора подошли эти парни, зажали ей рот, поволокли в подъезд соседнего дома...

Откуда они взялись? Случайно проходили мимо? Александр Борисович говорил, что Игорь отвечал на все вопросы односложно, опустил голову. А следствие поторапливали. Возникли новые, нашумевшие дела, в частности заказное убийство очередного банкира, на этот раз Степаняна, а тут, мол, все уже ясно и понятно... В конце концов Александр Борисович уступил давлению сверху и переключил Савельева и всех нас на Степаняна.

Дерзкое, потрясшее всех убийство среди бела дня, в центре Москвы, среди множества людей... И все свидетели говорили разное, путались, будто убийцы уехали на правительственной машине с соответствующими номерами... Мол, это были несколько молодых людей, одетых по последней моде, нисколько не похожие на бандитов... Будто они все проделали не спеша, не суетясь, ни на кого не обращая внимания... Целую неделю в Москве только об этом и говорили – с ужасом, в панике, ожидая худшего. Но так никого и не нашли.

Мысли мои перескакивали с одного на другое. Сна не было ни в одном глазу.

У Турецкого, правда, сначала было ощущение, что Савельев не дотянул расследование об изнасиловании до конца. Например, настораживало, что потерпевшая по-прежнему считала Игоря своим школьным товарищем. О двух других не могла говорить без ужаса и омерзения. Но вскоре все это как-то отошло в сторону, когда занялись расследованием убийства банкира... У нас такое бывает. Более свежее и сильное впечатление отвлекает внимание от более старого и уже как бы остывшего. Теперь это ощущение незаконченности мучило меня, не давая уснуть.

И не только это.

Мне до сих пор не давал покоя моральный аспект моего участия в этом деле. Даже если я буду участвовать в нем негласно, как помощник Вадима. Все-таки это не шахматная партия, которую можно играть, обдумывая несколько ходов вперед. Здесь изначально неверный ход опрокидывает всю игру. Здесь сами фигуры на этой игровой доске способны так все запутать, такую предложить версию...

Утром, получив ордер юридической консультации, я приехал в суд, где взял дело и засел за его изучение.

Петр Савельев вел свои протоколы безупречно. Комар носа не подточит. Я внимательно прочитал ответы потерпевшей. И вспомнил о предложении Лекарского с ней встретиться. Конечно, я не забыл того, что адвокат не имеет права беседовать с лицами, уже допрошенными следователем. Но Лекарский продолжал искушать. Вечером он позвонил мне и настоятельно повторил свою просьбу.

«Лучше всего возле школы, где она учится, вам бы случайно встретиться», – сказал он.

– Но вы понимаете, как это можно будет потом использовать для дискредитации защиты? – напомнил я ему слова Вадима. – Там нас увидят учителя, а также одноклассники.

– Ничего они не заподозрят, – уверял Лекарский. – Будет хуже, если вы с ней встретитесь тайно. Тогда вы нарушите свои правила. А так – случайно встретились, случайно разговорились.

Он, конечно, меня не убедил, но что-то сдвинул во мне. Я же не из корыстных побуждений, а ради выяснения истины встречусь с ней. Пусть в меня бросит камень тот, кому ради пользы дела не приходилось нарушать инструкцию. Единственное, что я отверг, – это «случайную» встречу. Такого рода случайность почему-то казалась мне отнюдь не мелким враньем.

В школу, где училась потерпевшая Оля Реброва, я приехал в середине дня. Дежурная учительница отправила за ней какого-то первоклассника, бегавшего по коридору.

Когда я увидел ее, спускавшуюся вниз по лестнице, я пораился произошедшей в ней перемене. Сейчас она показалась мне осунувшейся и побледневшей. Прежде мне приходилось видеть ее только однажды, в коридоре прокуратуры, когда она шла с родителями в кабинет Савельева.

Краем глаза я заметил, как поднялся со стула какой-то крепкий высокий парень лет двадцати пяти, до этого читавший газету. Оля вопросительно, как бы спрашивая его разрешения, взглянула на него и только потом подошла ко мне. Вид был спокойный, доверчивый.

– Вы адвокат Игоря? – спросила она негромко. – Мне Аркадий Валерьянович говорил о вас.

– Верно, – сказал я. – Меня зовут Юрий Петрович.

Парень подошел к нам ближе, пристально посмотрел мне в глаза, прежде чем протянуть руку.

– Олег Григорьевич меня охраняет, – сказала Оля. – Его наняли мои родители.

– Если можно, я хотел бы с вами поговорить, – сказал я ей.

Олино лицо погасло, как если бы внутри у нее отключилась какая-то лампочка.

– Ладно. Может, подождете, когда у меня закончится урок? А то я отпросилась на несколько минут.

Я сел на скамью рядом с Олегом Григорьевичем, который продолжал меня внимательно разглядывать.

– Возникли дополнительные обстоятельства, – сказал я ему. – Теперь скажите, если не секрет, почему вы ее охраняете. Были какие-то угрозы?

– Именно так, – подтвердил он.

– И давно охраняете?

– Третий день, – ответил он. – Ее родители прибегли к помощи нашего охранного агентства после случившегося.

– Вы можете сказать, кто именно ее шантажирует? И каким образом?

– Звонили несколько раз по телефону. Какие-то подростки. Возможно, те самые, что на нее напали. Требовали забрать иск. Себя не называли. Причем звонили из автоматов, – сказал он и снова уткнулся в газету, кажется, это был «Коммерсант дейли».

Час от часу не легче, подумал я. Вот он, хлеб адвоката. Собираюсь защищать насильника, хотя в защите нуждается его жертва. Хотя не исключено, что этим занимаются именно соучастники Игоря Бахметьева, которых до сих пор не нашли...

Ко мне подошла пожилая учительница, седенькая, сухонькая, в пенсне.

– Вы хотели поговорить с нашей ученицей Олей Ребровой, как мне передали? – спросила она.

– Именно так, – кивнул я.

– Может быть, чтобы вам здесь не мешали, вам лучше подняться наверх. Там есть свободный класс. А то сейчас закончатся уроки, здесь будет шумно, много ребят, сами понимаете, не дадут поговорить.

Она протянула мне ключ.

– Это от моего класса. Сорок вторая комната. Оля сейчас к вам туда придет.

– Спасибо, – поклонился я. – А что вы можете о ней сказать, простите, не знаю вашего имени-отчества.

– Зинаида Сергеевна, очень приятно, а вас как зовут?

– Юрий Петрович Гордеев.

– А насчет Олечки скажу – очень хорошая девочка.

– Можно о ней сказать, что сама тянется к мальчикам, заигрывает с ними? – спросил я.

– Ни в коем случае, – покачала она головой. – Скромница, отличница, при этом красивая девочка. Но есть и другие, уж поверьте, сорок лет в школе, кого только здесь не видела... Так что защищайте ее получше, Юрий Петрович, очень мы все, кто Олечку любит и знает, на вас рассчитываем.

Такой учительнице нельзя врать, и я отвел взгляд.

Она что-то почувствовала, смолкла, как бы припоминая, не сказала ли чего лишнего.

– Ну... у вас работа, наверное, такая, – сказала она, замявшись. – Я понимаю...

И отошла в сторону, потом оглянулась, как бы раскаиваясь, что дала мне ключи.

– Я поговорю с ней наверху, в классе, – сказал я Олегу Григорьевичу, который все никак не мог оторваться от своей газеты. – Если не возражаете. Вестибюль – плохое место для разговора.

– Пожалуйста, – он пожал плечами и снова внимательно посмотрел мне в глаза, как бы проверяя мои намерения. – А я вам не помешаю, если буду там присутствовать?

– Мне – нет, ей, боюсь, мешаете. Дело весьма деликатное. Сами понимаете, какие могут возникнуть вопросы.

– Покажите мне ваше удостоверение, – сказал он, сложив наконец свою газету. – На всякий случай.

– Я понимаю, – кивнул я, показав ему все документы, какие у меня с собой были. И когда он снова спокойно развернул газетные страницы, как если бы взял на себя обязательство прочесть там все, от корки до корки, я почувствовал себя свободным.

Оля уже ждала меня возле дверей с цифрой сорок два. Стояла неподвижно, глядя в пол, обнимая руками портфель. Милая, хрупкая девочка. Глядя на такую, у нормальных людей должно возникать желание защитить ее, уберечь от беды. Но это у нормальных людей.

– Вы будете защищать Игоря? – спросила она, когда мы вошли в кабинет, кажется химический.

– Это так, – кивнул я, – поэтому в любой момент ты можешь уйти. И вообще можешь со мной даже не начинать разговора.

– Ну почему? – она пожала плечами. – Спрашивайте.

– Оля, – спросил я, собравшись с духом, – а все-таки почему, узнав, что я защищаю Игоря, ты захотела со мной разговаривать? Тебе стало его жалко?

Она снова пожала плечами.

– Не знаю. Наверное, потому же, почему вы взяли его защищать.

– Только это? – спросил я. – Я-то защищаю его потому, что я адвокат, профессия такая – защитник. А тебе почему жалко его и не жалко других?

– Потому что они – подонки, – ответила она. – Я уже говорила вашему следователю Савельеву... Они затащили меня в кабину, а не Игорь... Там я была в бессознательном состоянии, ничего не соображала от боли и удушья. Но мне до сих пор кажется, что они его заставляли это делать. А следователь мне сказал, что для суда это несущественно. Что, если бы он не хотел, он бы не смог это сделать как мужчина... А он все равно это сделал, об этом говорит экспертиза... Ну вы понимаете, да? Еще он говорил, что я не могу знать, участвовал он или не участвовал в этом преступлении, поскольку была без сознания. А так оно и было, я ничего не соображала, было очень больно, я задыхалась, там было тесно, душно...

Она заплакала.

Я испугался: Олины слезы напомнили мне, что разговаривать с ней я не имею права. Что же делать? Савельев уже уволился из прокуратуры. Найти его можно, конечно. При желании. И кое о чем порасспросить.

– Оля, Оля... Зачем же ты подписала протоколы дознания, если сомневалась насчет участия Игоря?

– Я их почти не читала. Все время редела, пока мне их показывали... И сейчас, как вспомню... А следователь и моих родителей убедил, и они ему тоже поверили. Так и получилось на бумаге, что Игорь был инициатором, сам специально меня вызвал на улицу. А теперь я из жалости его выгораживаю... Я думала, ладно, пусть пишет, а я выскажу свои сомнения на суде, понимаете? О том, что он не мог это сделать... Не верю, понимаете? Эти двое сбежали, а его схватили, когда соседи вызвали милицию.

– Но ты действительно могла многого не знать и не видеть, если теряла сознание, – сказал я. – Откуда же у тебя это сомнение?

– Для этого надо быть на моем месте, знать его. Я знаю, я ему нравилась. Но он не как другие, не пялился, не писал мне записок, и потом видно же, как парень к тебе относится, если на тебя не смотрит, краснеет, если к нему обращаешься... Скажите, если я заявлю на суде, что беременна от него, его отпустят? Как будущего отца нашего ребенка?

Я молчал, не зная, что и сказать. Смотрел на нее и чувствовал себя полным идиотом.

– Ты – беременна? Твои родители об этом знают?

– Это я просто так сказала, надо же его освободить от тюрьмы. А вообще я хочу ребенка. Может быть потому, что боюсь, что уже не смогу рожать. Мне теперь все равно от кого. Кому я теперь нужна такая, правильно? Пусть от него... Если это освободит его от тюрьмы.

Это был детский лепет. Бедная девочка. Как же эта беда перевернула ее душу...

– Пока что забудь, что ты сейчас наговорила, – сказал я как можно мягче. – Это пройдет. Не может не пройти... Спасибо тебе.

– За что? – она подняла на меня глаза, полные слез.

– За искренность... В общем, ты убедила меня, что в этом деле многое еще не ясно.

Я поднялся.

– На сегодня хватит, идем, я провожу тебя к твоему охраннику.

Дома, то есть на новой квартире, я не находил себе места. Во что я ввязался? Тревога не отпускала меня. Неужели это изнасилование могло быть подстроено? Но как такое может быть? Как можно заставить подростка совершить такое гнусное преступление, если он не хочет этого делать? Похоже на то, что все здесь сложнее, чем представлял себе следователь Савельев.

Сегодня насилуют и в лифтах, и в подъездах чуть ли не каждый день. Впрочем, говорят, что в последнее время статистика этих преступлений стремительно падает. Хотя от этого не легче каждой конкретной женщине или девушке, подвергшейся поруганию. Их близким тоже. Но статистика утверждает, что одновременно падает и рождаемость. Не следует ли из этого вывод, что падает мужская потенция? Поэтому уменьшается цифра изнасилований, а отнюдь не улучшаются нравы.

Что же стоит за случившимся? И за тем, что за ним последовало? Понятно, что за каждым заказным убийством всегда чьи-то интересы – политические, экономические. А здесь? Заказное изнасилование? Что-то новенькое...

Я разобрал свой телефонный аппарат, внимательно осмотрел его внутренности. Ничего такого, что могло быть прослушкой. Вряд ли Бах знает, что меня уже не надо просить или подталкивать, что теперь я расцениваю это как свой долг. Мне сейчас не просто интересно в этом разобраться, мне это необходимо. Ибо речь теперь пойдет о моем адвокатском расследовании. Я отдаю себе отчет в том, что адвокатское и следовательское расследование – разные вещи. И постараюсь не превышать своих прав. Мне надо добраться до сути, не формально, а во всех подробностях разобраться в этом деле.

Я ходил по комнате, бормоча вслух все это, потом остановился. Так может поехать крыша. Надо бы позвонить Кате. Жаль, что ее нет рядом. Эта все моя идиотская затея с нашим разъездом, тем более что необходимость в нем, кажется, отпала. Я набрал ее новый номер. Длинные гудки, сплошное молчание. Походил еще немного, потом снова набрал. Телефон не отвечал.

8

Ругая себя последними словами, я выскочил на улицу. Как всегда, когда он не нужен, шел дождь. Поймал частного и через десять минут, благо мы жили недалеко друг от друга, был на месте.

Был поздний вечер, все население уткнулось в телевизоры, поэтому вряд ли кто мог видеть, как я, орудуя в темноте ключами, пытался открыть ее дверь. Теперь я хвалил себя за предусмотрительность, когда потребовал, чтобы у меня были ее ключи.

Мне показалось странным, что этот довольно незамысловатый замок долго не открывается. Как если бы в нем было что-то внутри нарушено. Наверное, от нетерпения Катя поворачивала ключ в замке с силой, вместо того чтобы делать это аккуратно, как я ее учил.

Когда дверь открылась, я почему-то застыл на пороге. Как если бы из темноты передней на меня дохнуло какой-то неясной тревогой. Я прислушался. Было тихо, только из-за дверей соседних квартир слышались неразборчивые голоса теледикторов, обычные голоса этого времени суток.

Но почему меня так тревожит тишина в ее квартире?

Ну да, я научил ее, уходя, оставлять включенной радиотрансляцию. Чтобы тот, кто собрался ее ограбить, решил, что дома кто-то есть. Ей тогда это не понравилось, но она согласилась. Я сделал шаг в прихожую и протянул руку, чтобы включить свет, но вдруг почти инстинктивно сделал шаг назад – и вовремя. Уж какой раз я мысленно похвалил себя за то, что когда-то в школе играл в баскетбол, а в более зрелые годы занимался боксом. Умение отскочить назад, пропустить мимо себя набросившегося противника – однажды это была несущаяся на меня машина, потом здоровенный бандит – спасало меня.

Сейчас это была некая дубина, обрушившаяся на меня сверху и лишь едва задевшая меня, благодаря моей реакции, по носу. В темноте я не сразу разобрал, сколько их там было, двое или трое. Видимо, они пытались затащить меня в квартиру, полагая, что имеют дело с незащитной девушкой. Откуда им было знать, что вместо нее приду я?

Я выволок на себе на лестничную площадку двоих, по пути выбив нож из руки третьего. И как только я вышел из клинча, то есть между мной и ближайшим противником образовалось небольшое пространство, провел апперкот, так что у него клацнули зубы и он сразу отключился...

Но второй, падая, успел ударить меня ногой под колени, и я упал на спину, успев сгруппироваться, то есть подтянуть колени к подбородку, и это спасло меня от пинков и ударов в живот. Они не успели меня добить, поскольку послышался гул приближающегося лифта. Не сказав ни слова, двое бросились к лестнице, подхватив третьего, который прикрывал ладонью лицо. Похоже, здорово прикусил язык, когда я его ударил снизу. Трудно было их разглядеть в этом сумраке. Все те же здоровые лбы с бритыми затылками, каких сейчас везде полно, словно они сходят с какого-то конвейера, работающего в три смены.

Кабина лифта остановилась, и оттуда возникла, как явление народу, Екатерина Андроновна, собственной персоной, с цветами, вся из себя прикинутая и замечательно благоухающая, наверняка после очередной презентации. Уставилась на своего друга любезного, побитого и опрокинутого, поскольку никогда не видела его в подобном виде, да и увидеть не чаяла.

– Ты что тут делаешь? – охнула она и бросилась ко мне, уронив цветы так, что они упали мне на грудь, как если бы я уже был покойником.

В это время наконец защелкали замки, загремели засовы и любопытствующее население лестничной площадки, почуяв, что опасность миновала, выглянуло из трех дверей. Соседи подозрительно оглядели нас, решая нелегкую задачку, кого прежде звать – милицию или «скорую». Но так и не пришли к общему мнению. Снова загремели и защелкали своими замками.

– Ты почему забываешь оставлять радиотрансляцию включенной? – спросил я после того, как мои раны были обработаны, рубашка и брюки на скорую руку зашиты.

– Ой, – она прижала ладонь ко рту, – все время забываю... Прости, пожалуйста!

И поцеловала меня в губы. Потом еще и еще раз.

Я почувствовал себя свиньей. Сам ввязал свою девушку в эту историю и еще предъявляю претензии.

Я во всем был не прав. Именно потому, что радио молчало, их нападение не застало меня врасплох, поскольку тишина меня насторожила. К тому же они вполне могли бы проследить ее уход, поэтому радиоголоса из пустой квартиры их бы не остановили.

Словом, нет худа без добра, против такой бытовой диалектики не попрешь...

Я ничего не сказал ей по этому поводу. Пусть целует и дальше. Пусть хоть она меня пожалеет, раз больше некому.

– Посмотри, все ли цело? – поморщился я, когда почувствовал боль в правом боку, когда она меня слишком сильно прижала. – Я не про свои ребра, – охнул я, когда она, закусив губу от жалости, стала меня ощупывать. – Вещи посмотри, деньги...

Все было цело, все на месте. Даже в холодильнике ни на что не позарились. Означало ли это, что они ожидали ее прихода? А если так, значит, лучше меня знали, когда она вернется домой. Похоже на то. Я с Катей разминулся всего-то на несколько минут.

Не следует ли отсюда, что они проследили, где она работает? И кто, вообще, на этот раз – они? Ведь я согласился защищать Бахметьева! Значит, другие? Его конкуренты?

Ответ на мой вопрос не заставил себя долго ждать – зазвонил телефон. Катя протянула руку, но вовремя остановилась, встретившись с моим суровым взглядом.

– Слушай, мент поганый, лучше lining отсюда, понял, нет? Вы свое дело сделали, срок тому баклану натянули, пусть теперь бессрочку тянет. И не шестери, понял? Или подкалывают на этом решил? Гляди, падла, маруху твою на хор поставим, понял? Вот сегодня, считай, тебе было последнее предупреждение.

В трубке слышались короткие гудки. Я положил ее на место, стараясь не смотреть на Катю. Только отметил про себя, что абонент «ботал по фене» довольно неумело. Это проявлялось в излишней старательности, как это бывает у иностранцев, добросовестно изучающих русский, когда они пытаются выговорить все до последнего звука.

Я молча разобрал и ее аппарат. Там было все на месте, ничего лишнего. Потом бегло проверил ее настольную лампу и еще кое-какие предметы в комнате. Кажется, если прослушивают, то на телефонной станции. Не забыть бы поговорить на этот счет с Александром Борисовичем. Только очень мощные организации способны на это.

– Кто это был? – спросила Катя.

– Попали мы с тобой, – сказал я, – как куры в оцеп. Или между молотом и наковальней. Я так и думал... Одни хотят, чтобы я этого пацана посадил, другие, чтобы я его защитил.

– А ты? – спросила она. – Чего хочешь ты?

– Чтобы его оправдали, если невиновен. Или посадили, если суд докажет вину.

– Говоришь прямо по-писаному, – усмехнулась Катя. – Но я спросила тебя по-другому. И о другом.

– Догадываюсь, – вздохнул я. – Сделаем так. Нам с тобой на сегодняшний день нужен хороший публичный скандал, желательно с пощечиной, после чего ты заберешь вещи и вернешься к мамочке. Она только будет рада. И скажет, что была в этом уверена с самого начала. Только пусть скажет это во всеуслышанье и как можно громче.

– Знаешь что? – обиделась Катя. – Пощечину после таких твоих слов я могу дать прямо сейчас, не дожидаясь, пока соберется народ.

– И будет уж совсем хорошо, – продолжал я, подставив ей правую щеку, как если бы меня уже ударили по левой, – когда начнешь прилюдно встречаться с кем-нибудь другим.

И схлопотал-таки, как и напрашивался, по морде. Причем она ойкнула от боли и подула на свою ладонь.

– Ну хотя бы для видимости, – стал объяснять я, отступив на шаг назад. – На измене я не настаиваю. Пусть твоя мама лично тебе кого-нибудь подберет. Пойми, иного выхода пока нет. Я не могу отвечать за твою безопасность, пока ты со мной.

– Я – твое слабое место, – кивнула она, продолжая потирать ладонь, покрасневшую от удара. – Как видишь, я ничего не забыла.

– Да уж, – развел я руками. – Злопамятством тебя природа не обделила. Как и всеми другими достоинствами. Именно об этом я тебя предупреждал.

– Предупреждал, – подтвердила она грустно. – Ничего не скажешь. А я, дура, не поверила, – ее голос дрогнул. – Решила, вот человек, который ничего не боится. Которому все по плечу.

– Значит, ты меня принимала за кого-то другого. Тогда тем более нам следует расстаться.

– Не придируйся. Скажи хоть, что это за люди? – спросила она. – Кто такие? Неужели им нечем больше заняться, кроме как следить за мной, подслушивать наши разговоры? И все только ради того, чтобы заставить тебя играть на их стороне или вывести тебя из игры?

Она заплакала, прижавшись лицом к моему плечу.

– Ты замечательно все сформулировала, – сказал я, погладив ее по голове. – Именно так все и обстоит.

– И ты веришь, что тебе удастся с ними справиться? – она подняла на меня свои широко открытые глаза. – Ведь они сегодня могли тебя убить...

– Ну, если бы очень захотели, они бы меня давно ухлопали. Одного адвоката они уже убрали. Второго – перебор. Сначала нужно попробовать меня запугать. Вот почему им была нужна ты. Наверное, хотели тебя похитить. А потом со мной поторговаться. Думаешь, в следующий раз нам удастся снова выкрутиться, как сегодня?

Катя глубоко вздохнула. Я замолчал, машинально продолжая гладить ее по голове. Я просто не знал, что ей еще сказать. Знал только одно: я отвечаю за ее безопасность, и это сейчас для меня на первом месте.

– Итак, мы поссорились? – спросил я.

– И я завожу себе другого мужчину, – усмехнулась она, отстранившись. – А ты заводишь другую бабу, так?

– Ты так ничего и не поняла, – помотал я головой. – Я не имею права никого заводить, чтобы никого не подставить!

– Даже для достоверности? – сощурилась она. – Чтобы все поверили – мы разошлись?

Я глядел на нее и молчал.

– Я совсем не то говорю, – вздохнула Катя и вытерла глаза. – Хорошо, я буду послушной девочкой. Но ты мне должен обещать. Что когда все это закончится... И, пожалуйста, никаких скандалов с пощечиной. У меня второй раз это уже не получится. Я плохая актриса, неужели не видно?

– Но бьешь ты от души, – сказал я, взял ее руку и подул на ладонь. – Чувствуется темперамент.

– Ну так когда начнем ссориться? – спросила она. – Прямо сейчас или завтра утром?

– Ладно, отложим до завтра, – смиростивился я.

9

Утром мы с Вадимом приехали в генпрокуратуру к Александру Борисовичу, как и договаривались заранее. Со смешанным чувством надежды и робости я переступал порог знакомого мне заведения, которое стало для меня, новоиспеченного адвоката, чем-то вроде верховной ставки противника. Я понимал, что не с руки Турецкому со мной сейчас возиться. У него масса своих неотложных дел. Знал и другое – он обидится, если я не буду делиться с ним своими невзгодами на новом поприще. Он считал себя обязанным опекать молодых сотрудников, даже тех, кто от него уходит.

– Садитесь, – он указал нам на стулья возле своего стола, хотя прежде приглашал меня, как своего сотрудника, в уютное кресло в углу комнаты. Но вряд ли это было свидетельством его ко мне охлаждения. На столе лежали папки с материалами, которые он подготовил к нашей встрече.

– У меня около часа времени. Здесь вы увидите наши материалы, посвященные убийству банкира Степаняна, близкого Бахметьеву человека, – сказал он нам. – И его конкурентам по бизнесу. Я говорю о бывшем вице-премьере Сергее Соковнине и его банковской группе. Кофе, кстати, будете?

Вадим кивнул, листая протоколы.

– Как адвокат, я еще ни разу не сотрудничал со своими оппонентами, – сказал он, – поэтому неплохо бы для начала взбодриться.

– В сущности, у нас с вами одно общее дело, – ответил Александр Борисович. – Это в суде мы окажемся по разные стороны баррикады.

– Скажите сразу, враги у Бахметьева сильные? – спросил я, кивнув на бумаги.

– Безусловно, – ответил Александр Борисович. – И весьма влиятельные. Сохранили прежние связи. – Он показал глазами на потолок, – прежде всего с органами безопасности... Знаете, все эти бывшие работники КГБ, сыновья высших должностных лиц, привыкли к определенным стандартам жизни и не желают смириться с потерей власти и привилегий.

– Кстати, у потерпевшей Оли Ребровой появился телохранитель, – сказал я.

– Ты все-таки разговаривал с ней? – встрепнулся Вадим. – Ну ты даешь! Я же предупреждал тебя, чем это может обернуться.

– Он в душе еще следовательно, – примирительно улыбнулся ему Александр Борисович. – Юре нужно время для адаптации.

– Реброва выставляет в нехорошем свете нашего бывшего товарища по работе Савельева Петра, – продолжал я. – Он, оказывается, недавно уволился по собственному желанию.

– И по моему желанию тоже, – добавил Александр Борисович.

– Она утверждает, будто он не включил в протокол некоторые ее показания о степени участия Игоря Бахметьева в этом деле. До сих пор сомневается в его вине. Говорит, что ничего не смогла прочесть в протоколе, который ей дал подписать Савельев, поскольку все время плакала. Мы тогда были в стороне от этого дела. Помните, вы нас всех перебросили на громкое дело об убийстве Степаняна?

– Кстати, разве в компетенции вашей прокуратуры расследовать изнасилования, даже групповые? – спросил Вадим, что-то записывая.

– Нет, конечно. Но оно, как и убийство Степаняна, так или иначе связано с кланом Бахметьева... – объяснил Александр Борисович. – Возможно – случайно, возможно – нет. Но убийство адвоката Колерова делает эту случайность еще менее вероятной... До его гибели я задал точно такой же вопрос своему начальству, и мне резонно ответили, что приходится учитывать общественный резонанс, иначе говоря, шум, поднятый в газетах... Договорились, что

расследовать будет московская прокуратура, старший – наш «важняк» Савельев, а я возьму все это под свой контроль, ну и так далее.

Вадим поднял голову от газетных вырезок.

– Где-то я читал, – сказал он, – будто некоторые разведки стараются забросить в тыл противника как можно больше своих агентов, как правило, второстепенных, чтобы связать руки контрразведке и таким образом отвлечь ее внимание от основных своих агентов.

Мы с Александром Борисовичем переглянулись. Схожие мысли иногда посещали и нас.

– Вряд ли убийство всем известного и влиятельного банкира Степаняна можно назвать второстепенным по сравнению с изнасилованием школьницы, – сказал Александр Борисович. – Тем более служить ему прикрытием. Повторяю, мне все больше кажется, что эти дела связаны между собой.

– Так-то оно так, – кивнул Вадим. – Но разве невозможна такая ситуация, что устранение Степаняна, к примеру, было заранее запланировано в другие сроки, но его организаторам пришлось поспешить с его реализацией, чтобы отвлечь внимание общественности от дела об изнасиловании, к разгадке которого вы близко подошли? Так взрывом гасят пожар на нефтяной скважине. В вашей практике такого не бывало?

Александр Борисович только развел руками.

– Бывало, и довольно часто, – сказал он. – Один общественный резонанс перехлестывает другой, тогда можно просто ни черта не делать, хватаясь то за одно, то за другое. Ничего не доводится до конца.

– У солдат есть присказка, – сказал я, – не спеши выполнять приказ, обязательно будет команда отставить...

– Словом, вы тоже считаете, что эти дела могут быть между собой как-то связаны? – спросил Александр Борисович Вадима.

– Это всего лишь мое предположение, – скромно потупился Вадим, – пытаюсь понять, почему так получается, что ни одно из этих дел, как и некоторые другие более нашумевшие, так до конца и не доведены. Убийцы Степаняна ведь до сих пор не найдены, не так ли?

– Поскольку тут же возникло это дело с убийством Колерова на Кипре, – напомнил Турецкий. – Я все больше прихожу к выводу, что вас, адвокатов, время от времени полезно выслушивать по нашим прокурорским делам, – сказал, глядя почему-то на меня.

– А нам хорошо бы выслушивать ваши профессиональные суждения по нашим, – учтиво заметил Вадим.

– Так мы далеко зайдем, – сказал я. – Какая уж тут будет на суде состязательность, если все заранее согласовано и оговорено... Уж лучше нам, как положено, держаться врозь. Иначе трудно представить последствия такого альянса прокуратуры с адвокатскими коллегиями. Просто сейчас, Вадик, у тебя возникла уникальная возможность, благодаря тому, что я перебежчик, пообщаться с прокуратурой. Вот и пользуйся этим, а не умничай... Почему мафия бессмертна? Да потому, что она разобщена. Одни противостоят другим. И все вместе – властям. Одних ловят, разоблачают, но другие остаются в стороне. И учатся на чужих ошибках. К тому же им приходится вовсю крутиться, чтобы остаться на плаву. Ибо только конкуренция между отдельными группировками, борьба за собственное выживание позволяет им постоянно совершенствоваться и поддерживать свою форму.

– Браво, – сказал мой бывший шеф. – Тебе бы лекции читать на юрфаке. – Только побывав в шкуре следователя, а уж потом в мантии адвоката, можно прийти к столь трезвому пониманию вещей. Но у нас сейчас, как ты верно выразился, тот редкий, просто уникальный случай, когда мы, антагонисты, можем поработать сообща. А уж потом, когда дойдет до суда, разбежимся каждый по свою сторону баррикады.

– Вот так становятся большими начальниками, – я настроился на шутливую волну. – Учись, Вадим, систематизировать и осмысливать все глупости, высказанные подчиненными, в

своем заключительном слове. А то никогда не станешь ни заведующим юридической консультацией, ни главой коллегии адвокатов.

Александр Борисович едва заметно улыбнулся.

– Итак, кажется, размялись, – сказал он, – попробуем систематизировать все, что мы знаем об Александре Бахметьеве. Бывший деятель демократического движения, ставший крупным бизнесменом. Благодаря близости к либеральным кругам, до сих пор весьма влиятелен и имеет тесные связи с нынешним правительством. С прежним, где работал Соковнин, был на ножах. Сегодня бизнес Бахметьева процветает. А это не дает покоя его конкурентам. Список конкурентов весьма велик, они спешат объединиться под флагом Соковнина. Обратите внимание на «Конкурент-банк» в частности. Который образовали бывшие работники КГБ.

– Специфическое название, – сказал я. – Интереснее всего посмотреть на тех, кого Бахметьев уже обошел или грозит обойти на повороте.

– Они уже под Соковниным, – сказал Турецкий. – А «Конкурент-банк» – самый обиженный.

– Возможно, Бахметьев вырвал или собирается у них вырвать лакомый кусок изо рта во время дележа госсобственности на всяких там инвестиционных или открытых аукционах, о которых нам говорил Лекарский... – продолжал я. – Вот эти вещи не прощаются никогда.

– По себе судишь? – хмыкнул Турецкий. – Шучу... Так вот, странное дело, все покушения на жизнь Бахметьева, а всего их было три, заканчивались ничем. А вот его ближайшему другу Степаняну и адвокату – не повезло. В чем тут дело? Вот здесь в Бахметьевском досье есть заметки о таких попытках... Кстати, о них пишет одна и та же журналистка – Ирина Федосеева.

– Или у него весьма квалифицированные телохранители... – сказал я.

– ...Или он специально организует эти покушения на самого себя, – добавил Вадим, – чтобы набрать очков для популярности... как мученик.

Мы все озабоченно примолкли. Нам просто стало не по себе от собственной проницательности. Черт ногу сломает в этих запутанных интригах и взаимоотношениях сильных мира сего. Где тут кончаются личные счеты и начинается криминал? Наверное, там же, где заканчиваются общественные интересы и начинаются личные.

– Кстати, вчера вечером кто-то попытался похитить мою Катю, которую вы все знаете, – сказал я. – Взять в заложницы. А потом звонили мне по телефону и угрожали.

– Ничего себе, – откликнулся Вадим. – Катю? Почему ты до сих пор об этом молчал? И это после гибели Колерова!

– Эта бутылка шампанского с другого стола, неужели не ясно... – огрызнулся я. – От какого-нибудь «Конкурент-банка», например.

Я посмотрел на Александра Борисовича. Все-таки он следователь от Бога, а не этот адвокатика. Такие загадки только ему по зубам. И я в нем не ошибся.

– Кто-то хочет, чтобы ты отказался от защиты, – сказал Турецкий и свел брови на переносице.

Бедный Вадик ничего не понимал. Глядел на нас по очереди и не скрывал своего недоумения.

– И что ты предпринял? – спросил мой бывший начальник, не обращая внимания на вопросительные взгляды моего коллеги.

– Поругался с Катей, она отвесила мне оплеуху и выгнала из дома, – сказал я, стараясь не смотреть на Вадима.

– Ты поругался с Катей? – простонал Вадим. – Такая девушка! Как ты мог довести ее до того, что она дала тебе по морде? Простите, Александр Борисович, за подобные выражения, но я просто любовался на них, на эту пару, от души завидовал этому придурку, будучи сам женатым...

Мы с Турецким не выдержали и рассмеялись. Но не очень весело. Было бы с чего веселиться... Тем более глядя на растерянную физиономию Вадима, которому уже казалось, что над ним издеваются. Мне же приятно было сознавать, что мы с Александром Борисовичем по-прежнему понимаем друг друга с полуслова.

– Юра все правильно сделал, – спокойно сказал мой бывший начальник. – А что вы хотите, чтобы они продолжали жить вместе, когда на Катю из-за него началась охота? Ее надо вывести из-под удара. Для этого как раз хороша размолвка со скандалом. Особенно если у Юры появится другая девушка...

Ну буквально мои вчерашние идеи – один к одному, просто слово в слово.

– Только новой девушки мне не хватало, – пробурчал я. – Катя прибежит, наплюет на всякую конспирацию и выпарапает ей глаза. Попробуй объясни ей, что это для пользы дела.

– поймет... – не согласился со мной Александр Борисович. – Сейчас важнее, чтобы это понял Вадим Андреевич... Кажется, конкуренты Бахметьева хотят вывести его из игры любым способом, не мытьем, так катаньем. И если ему до сих пор удавалось оттягивать начало суда, то его противники, наоборот, всеми силами стараются поскорее довести дело до суда.

Вадим совсем не обиделся, что о нем говорят в третьем лице, его взбодорило совсем другое.

– Какой может быть суд, если те двое еще не схвачены? – вскочил он со своего места. – Всего один подсудимый, да и тот еще неизвестно...

– Известно, известно, – успокоил его я. – Вспомни экспертизу.

– А ваши симпатии, Александр Борисович, в этой борьбе богов и титанов на чьей стороне? – спросил Вадим, все еще находясь под впечатлением услышанного. Он с величайшим почтением смотрел на Турецкого, ожидая, какую еще великую истину тот ему откроет.

– На стороне закона, – ответил Александр Борисович, не без менторской интонации: мол, какой еще вы ожидали услышать от меня ответ.

– А я предпочитаю оставаться на стороне своего подзащитного, – сказал я. – Тут, Александр Борисович, наши с вами пути впервые расходятся, к моему великому сожалению. Сомнения потерпевшей в его виновности позволяют мне защищать его с чистым сердцем.

– Не могу с тобой не согласиться, – вздохнул Турецкий. – Выводы Савельева, увы, мне тоже кажутся чересчур поспешными.

– Ладно, потом будем посыпать голову пеплом. Давайте вернемся к нашим баранам и поговорим о двойном агенте, которого мы с Вадимом успешно перевербовали, – сказал я. – О Лекарском Аркадии Валерьяновиче. Как его можно использовать в данных обстоятельствах? Может, посоветуете, Александр Борисович? Если мы не отнимаем у вас чересчур много времени...

– Это тот, что приходил к тебе и от имени Бахметьева требовал, чтобы ты взялся защищать его сына? – рассеянно, думая о чем-то своем, спросил Турецкий.

– Он самый, – кивнул я.

– Юрий Петрович его разоблачил, – похвалил меня Райский. Это была лукавая похвала – Вадик в то же время заявил о своем благородстве, дескать, не примазываюсь к чужим успехам. – Буквально на моих глазах обвинил Лекарского в том, что тот записывает наш разговор. И точно. Микрофон был в булавке галстука, представляете?

– Его надо поменьше трогать, – сказал Александр Борисович и кивнул Вадиму – это означало, что данная информация принята им к сведению. – Где-то я читал, что двойные агенты живут вдвое меньше, чем агенты, которых никто не спешит перекупить.

– Его надо беречь, – согласился я. – Только в самых неотложных случаях можно прибегать к его услугам. Пусть видится с нами только тогда, когда его к нам пошлют... Кстати, было бы неплохо, Александр Борисович, если бы вы с ним поговорили. Интересный экземпляр

современного бизнесмена, опутанного по рукам и ногам криминалом, и, как ни странно, не потерявшего свое лицо.

– Хочешь сказать, будто Бахметьев, этот бывший либерал, уже вполне вписался в криминальные структуры? – спросил Турецкий.

– Во всяком случае, он умело их использует, – ответил я. – В этом мы убедились.

– Хорошо бы такого же двойного агента иметь и с другой стороны, – мечтательно сказал Вадик.

Все те же казаки-разбойники, ответил я взглядом на вопросительный взгляд Александра Борисовича. И он меня, кажется, понял.

– Мечтать не вредно, – сказал я вслух. – Мечта – это идеал, к которому следует стремиться.

– Мы постоянно отвлекаемся, вам не кажется? – спросил Александр Борисович, взглянув на часы. – Скоро совещание у генерального, а у нас с вами еще не решены кое-какие вопросы. Например, после вчерашнего инцидента с Катей стал актуальным вопрос вашей личной безопасности.

Он сказал это, глядя на Вадика. Со мной ему было все ясно. А вот Вадик, несмотря на множество сказанных им умных слов, пока еще не вполне представлял себе, во что вляпался.

– А что? – спросил Вадим. – Разве нам кто-то реально угрожает?

Александр Борисович тяжело вздохнул и воззрился на меня, как Господь на архангела, которому собирается дать деликатное поручение.

– Пока ничего страшного, – в тон ему сказал я, – пришли мы сюда поврозь, здесь странно встретились и странно разойдемся...

– Я о другом, – перебил меня Александр Борисович. – О том, что Вадим взялся тебе помогать и противная сторона скоро об этом узнает... Если уже не знает. Я говорю о том, что сторона Бахметьева, назовем ее так, теперь должна вас оберегать как своих адвокатов. Вас они наняли угрозами и запугиванием, вот и пусть будут добры обеспечивать вашу сохранность.

– Они нам это уже обещали, – сказал я.

– Пойти на то, чтобы нас охраняли бандиты? – возмутился Вадим. – Уж от кого я меньше всего ожидал это услышать, так это от вас, Александр Борисович.

– У вас есть другие предложения? – едва сдерживая себя, спросил Турецкий. – Можете считать, что власть в моем лице расписывается в своем бессилии. И эти бандиты для вас – самая надежная сегодня охрана, какую только можно вам предложить. Такова реальность, в которой мы живем, Вадим Андреевич. Форс-мажорная реальность, в которой нам, прокурорам, и вам, адвокатам, приходится иногда отходить от принятых норм поведения и предпринимать неординарные, но адекватные действия. Но все это во имя закона. Не забывайте об этом, если хотите чего-то добиться.

Какое-то время мы сидели молча. Турецкий был, как всегда, прав. Рисовать свое будущее как бескомпромиссную борьбу означало выглядеть стопроцентным Маниловым.

– Теперь поговорим о безопасности твоей Кати, – сказал Александр Борисович. – Чтобы с ней все было в порядке, как я уже говорил, тебе нужна срочно другая девушка.

– Не знаете вы Катю, – вздохнул я. – Как бы безопасность этой неизвестной мне девушки не оказалась под еще большей угрозой.

Вадим хмыкнул, но тут же стал серьезным. Только кивнул в ответ на вопросительный взгляд хозяина кабинета. Мою Катю он знает, как никто другой. И все, что сказано о ней, святая правда. Так и есть, выцарапает глаза.

– Ну, это не проблема, – поморщился Александр Борисович. – Я их предварительно познакомлю...

– Кого? – не понял я.

– Катю с Наташей, – ответил Турецкий и снова взглянул на часы. – Так зовут эту девушку. Познакомлю прежде, чем ее к тебе подпущу как твою новую невесту. Пусть Катя хорошенько ее проинструктирует, как с тобой следует обращаться, если ты, конечно, не возражаешь... Мне-то Катя, надеюсь, доверится?

В этом был весь Турецкий. Отходчивый, благодаря чувству юмора, никогда его не покидавшему. Вадим прыснул, глядя на мое выражение лица, когда я попытался себе представить сцену их знакомства.

– Что еще? – спросил Турецкий.

В генпрокуратуре не принято опаздывать к начальству. Лафа в этом смысле у адвокатов. Опаздывай сколько влезет. Всегда можно сослаться на занятость в суде, который затянулся, не уйдешь ведь... Мол, хоть разорвись, все только меня и требуют. Поэтому такие опоздания вину не ставятся. А понимающие коллеги только посмеиваются. Сами тем же миром мазаны...

– Что вы еще скажете нам о Бахметьеве? – спросил Вадим, который никуда не торопился.

Вот такой он всегда. Вынь и положь. Не видит, что человек спешит. Пришлось мне встать с места вместе с Александром Борисовичем, который, похоже, уже не знал, как от нас избавиться.

– Бахметьев не брезгует сомнительными связями и грязными деньгами, которые принимает в отмывку, – сказал он уже на подходе к дверям. – Вы можете посмотреть, что у нас на него имеется. Я говорю о материалах из Управления по экономическим преступлениям. Я распорядюсь – сейчас вам их принесут.

И ушел, не дожидаясь нашей реакции.

– Старичок, ты бы сел, – сказал Вадим, явно довольный таким исходом дела. – Или ты тоже куда-то спешишь?

10

Мы около часа знакомились с материалами, в которых упоминалась фамилия Бахметьева. Постепенно складывался портрет этой незаурядной личности.

Женат четвертым браком. Для наших либеральных времен не бог весть какая аморалка. Но для эпохи развитого застоя, да еще для члена партии, – компромат, да еще какой. При этом он, пользуясь своим положением руководителя разных развлекательных программ и имея под рукой эффектных девиц, умудрялся жениться всякий раз на более молодой. Ему грозило если не исключение из партии, то, как минимум, строгач в учетной карточке, да подоспела перестройка, которую он встретил скорее с облегчением, чем с пониманием.

Смену жен, как обновляющийся образ жизни, он пока оставил, поскольку стал больше интересоваться политическими тусовками и экономическими проектами, в которых стал преуспевать.

Сегодня его называют одним из богатейших людей в Москве, не исключено, что и в России. При этом он пользуется славой мецената, покровителя муз, что позволяет ему менять уже не жен, а любовниц все из того же мира кино, моды и телевидения.

При этом Александру Николаевичу исполнилось всего-то пятьдесят пять, то есть ягодка опять. Но к последней жене Ксении Александровне, которая моложе его лет на тридцать, он привязался, как к никому другому. Утверждают, что это произошло после того, как она разыскала и привела в дом его сына Игоря. У него тогда умерла мать, вторая жена нашего героя, о чем наш ветреник и знать не знал.

Кстати, Ксения Александровна до этого была замужем за неким Веденевым, сыном заместителя председателя КГБ, ее ровесником. И ушла от него, верней, сбежала к этому пожилому донжуану.

Еще мы узнали, что сына Бахметьев любит по-настоящему. Может быть, даже больше себя, при всем своем несомненном эгоизме. Так что его враги знали, куда метили.

А враги у него были. От одного взгляда на их список, который находился в одной из папок, список скорее предположительный, чем точный, голова шла кругом. Как он умудрился их столько занять за столь короткое время? Да таких могущественных... Перелистав эти бумаги, мы с Вадимом долго смотрели друг на друга. Вопрос, кто будет этим вплотную заниматься, повис в воздухе.

– Ты, и только ты, – убежденно сказал Вадим. – Теперь ты свободен от семейных обязательств, к тому же папаша Бахметьев должен тебе доверять, поскольку именно тебя требовал для защиты своего сыночка. Понимаю, в какие выгребные ямы ты при этом погрузишься, очень даже сочувствую, ну да тебе не привыкать...

– А я так понимаю, что лучше тебя с этим никто не справится, – сказал я. – Ты у нас в консультации – признанный и тонкий знаток погрязших в криминале благородных душ и мелких душонок. Только ты, такой деликатный и понимающий, сможешь, используя свои связи и отработанные приемы, найти тайные нити, связывающие сильных мира сего. Да и не только сего. Я же со своим прокурорским менталитетом только оттолкну от себя этих нынешних миллионеров, таких чувствительных и ранимых, привыкших к нежному обращению. Опять же, это обогатит тебя бесценным опытом, который для меня по-прежнему остается недостижимым... Короче! Вот ляпну опять что-нибудь неадекватное и все испорчу. Что тогда?

– Теперь я тебя понял, – сказал Вадик. – Старичок, но это еще не значит, что я согласился. Давай отложим это распределение ролей. Нам ведь сегодня предстоит, если не ошибаюсь, поездка за город к Бахметьеву? На его фазенду, или усадьбу. Разве не помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.